

ДЕТЕКТИВ С ШОКИРУЮЩИМ ФИНАЛОМ

ТАЛИСМАН

ДОКТОР АГАПОВ

Разрыв шаблона. Детектив с шокирующим финалом

Вадим Агапов

Талисман

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Агапов В. Ф.

Талисман / В. Ф. Агапов — «Эксмо», 2020 — (Разрыв шаблона.
Детектив с шокирующим финалом)

ISBN 978-5-04-109392-1

Сотрудник крупной фирмы Игорь Ухтомский утром выехал на работу на своей машине, но внезапно изменил маршрут и взял курс в область. После чего бесследно исчез. Спустя несколько часов его тело с множественными ножевыми ранениями нашли в пустынном месте на берегу Финского залива. Версия ограбления сразу отпала – ценные вещи и деньги остались нетронутыми. Вдова убитого вспомнила, что накануне Игорь упомянул о предстоящей встрече с каким-то «старым знакомым», но информации об этом не оказалось ни в электронной почте, ни в телефоне Ухтомского. Единственная зацепка: частные сыщики Арсений Строганов и доктор Агапов заметили, что к близким убитого проявляет внимание очень странный и никому не известный человек с фотоаппаратом...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109392-1

© Агапов В. Ф., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	36
Глава 7	39
Глава 8	43
Глава 9	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Вадим Фридрихович Агапов

Талисман

© Агапов В.Ф., 2020

© Кожина А., иллюстрации, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Эта запутанная история, о которой я хочу рассказать, началась с совершенно не связанных между собой событий, не приметных, будничных и произошедших почти в одно и то же время у нас, в Петербурге. А закончилась кровавой драмой и крушением, не побоюсь этого слова, мирового заговора!

Мы с моим другом сыграли в этой жуткой пьесе ключевую роль, выступив, к счастью, на стороне добра, как сказал бы кто-нибудь из классиков детективного жанра лет сто назад...

Доктор Вадим Агапов

Итак...

Пролог

В середине октября, после затянувшегося бабьего лета, когда все уже привыкли и к солнцу, и к теплу, Петербург накрыло дождями вперемешку со снегом, слякотью и холодом. О лете тут же забыли, доставали из шкафов теплую одежду, непромокаемую обувь и включали печки в машинах на максимум. Отопление в домах теплилось еле-еле, и только некоторые счастливчики, обладатели собственных каминов или котельных, не замечали осеннего похолодания.

Одним из них был мужчина лет сорока, плотного телосложения, одетый в дорогой костюм и только что прибывший с Московского вокзала в свою городскую квартиру в центре города. Он потрогал батареи и, недолго раздумывая, растопил камин. Затем приоткрыл окно – все-таки стало дымно – и уселся в кресло.

– Надо будет вызвать трубочиста, – сказал он негромко. Собственно, можно было даже кричать, так как в квартире, кроме него, никого не было. Просто была у него привычка разговаривать с самим собой вполголоса. Это, безусловно, вредная привычка, гораздо более вредная, чем, скажем, курение! Потому что, если его квартира прослушивалась, то все, что он рассказывал самому себе... Ну, остальное понятно!

– С другой стороны, – продолжал он мысли вслух, – найти более умного собеседника, чем ты сам, очень сложно!

Итак, задание получено, можно выполнять! День-другой на подготовку – и пора действовать!

«Жаль, как мне жаль, что со всей этой красотой придется расстаться! – подумал он, обводя взглядом свою гостиную, напоминавшую музей. – Чувствую, что нужно будет бежать!»

Хотя некоторые драгоценности и картины он уже переправил вслед за своей семьей, которая обосновалась недалеко от Лондона, в случае бегства большая часть его коллекции будет безвозвратно потеряна!

Согревшись, он вскочил, подошел к зеркалу в красивой деревянной раме и, уставившись на свое изображение, остался доволен им. На него смотрел уверенный в себе, успешный деловой человек. Волевой, без сомнения, сильный и, как ему говорили женщины, очень привлекательный. Правда, кто-то называл его бездушным, но душевные мужики всегда вызывали у него подозрение: или слабаки, или геи, так что бог с ней, с душой.

Как все неожиданно и быстро! Сейчас он уже дома, а еще утром он был на встрече с этим необыкновенным, может, даже великим человеком!

– Хозяин верит в тебя! – так кратко ему резюмировали их встречу. – Ты понравился.

Несмотря на то что все, что он видел и слышал, было враньем и лицемерием, ему стало приятно! Вот ведь человеческая натура! Лесть, пара пустых обещаний – и ты купился.

Однако он понимал, что все это игра, причем по их правилам, и как только он выполнит свое задание, его уберут. А если не выполнит – тем более уберут. На том и стоит мир! Обманул – выиграл. Тебя обманули – проиграл. Ничего личного. Даже с Господом Богом можно договориться. Вот с дьяволом сложнее – он тебе никогда не поверит, потому что сам такой же, как ты.

Раздался телефонный звонок – звонил его партнер по бизнесу; он не стал отвечать, так как не решил еще – плюнуть на эти деньги да и оставить все партнеру или все-таки продать?

– Жадность фраера погубит, – усмехнулся мужчина. – Ладно, подумаю об этом завтра. А сегодня – изучение истории. Деятнадцатый век! Интересное время было...

И он открыл ноутбук.

Был первый день ноября. Самый обыкновенный, серый, питерский, ненастный. По Невскому нескончаемым потоком двигались машины, создавая невыносимый для слуха гул и

выплескивая на тротуар брызги темной жижи. Пешеходы уворачивались от брызг и морщились от порывов ветра, шагая по гранитным плитам, покрытым той же грязью, что и дорога. Зонтики ненужным грузом лежали в сумках, портфелях, пакетах: хоть и дождь, а все равно не раскроешь – улетит или вывернется наизнанку. А на небо, мутное, как катаракта, никто не смотрел, хоть и висело оно так низко, что еще немного, и скроет верхние этажи Дома книги, Думу и Елисеевский.

Однако совсем рядом от Невского хаос ненастья исчезал – в залах Публичной библиотеки стояла рабочая тишина. Шелест страниц, негромкий стук клавиатуры, покашливания, да изредка чей-то телефон начинал трезвонить, вызывая недовольные взгляды окружающих.

В небольшом читальном зале один из читателей внимательно просматривал подшивку старых петербургских газет. Собственно, этим он занимался уже пару дней, не чувствуя ни раздражения, ни усталости. Приходил в библиотеку рано утром и, с перерывами на еду, заканчивал свое чтение поздно вечером. Вдруг, зацепившись взглядом за какую-то статью, он вернулся к началу, перечитал все заново, потом вдруг откинулся на спинку стула, прикрыл глаза и очень тихо произнес:

– Ну, наконец-то! Наконец-то! Нашел! – Не в силах сдержать волнения, негромко добавил: – Знал бы Александр Сергеевич... – И, помолчав, добавил: – Гартнер. Какая судьба... Deo gratias!

Он достал небольшой блокнот, на обложке которого был изображен белый крест на красном фоне и надпись на латыни: «Tuitio Fidei et Obsequium Pauperum», – и стал записывать красивым каллиграфическим почерком известные и не очень имена и даты...

Глава 1

Несмотря на середину рабочего дня, народу в вагоне метро было многовато. Люди в основном выглядели угрюмыми, невеселыми. Кто спал, а кто уставился в экраны своих телефонов. И одеты все были одинаково скучно – в куртки и плащи темных тонов.

В середине вагона стоял мужчина лет 25–30. Пальто на нем было какого-то немыслимого вида – хламида, одним словом. На блошином рынке на Удельной он его купил, что ли? И кепка непривычная, с двумя козырьками – спереди и сзади.

– Под Шерлока Холмса косит, – проворчал сидевший неподалеку от него молодой человек. Сам он был в куртке, неопределенного цвета джинсах, кроссовках и играл в примитивную игру на планшете.

А стилизованный под всех Шерлоков Холмсов разом мужчина отличался вдобавок и необычным поведением. Видно, что энергия была в нем через край, поэтому он не мог спокойно стоять на месте и ждать прибытия на нужную станцию. Быстрыми взглядами оценил всех стоявших и сидевших рядом с ним людей, просмотрел всю доступную взгляду рекламу, несколько раз доставал сотовый телефон, видимо ожидая от кого-то сообщения, и, поскольку никаких СМС не поступало, ругнулся вполголоса: «Чертов доктор! Как можно сейчас спать!»

Лицо у него было симпатичное и весьма подвижное. Руками он похлопывал по поручню, выбивая ритм песни, крутившейся в его голове и иногда вырывавшейся в виде тихого пения.

Однако петербуржцы за последнее время привыкли и не к таким оригиналам, поэтому все быстро потеряли к нему интерес.

А мужчина стал изучать стоявшего справа от него человека, также несколько отличавшегося своим внешним видом от остальных. В коротком дорогом пальто, идеально выглаженных брюках, новеньких ботинках, которые, видимо, чистил несколько раз в день (на улице-то грязь и слякоть!), и с кожаным портфельчиком, висевшим на длинном ремне на плече... Одной рукой он держался за поручень, и из рукава выглядывали позолоченные часы, а в другой держал телефон, на котором что-то увлеченно просматривал.

«Интересно, почему он едет в метро, а не на машине? – детально рассматривал своего соседа неутомимый молодой человек. – Судя по рукам – работает головой. Судя по выражению лица, осанке – руководитель. Профессия? Не понимаю! – Он заглянул в его телефон. – Рыбалка? Почему рыбалка? Владелец магазина «Рыболов»? Нет...»

Не выдержав, «Шерлок Холмс» кивнул на телефон и напрямую спросил у мужчины:

– Интересуетесь рыбалкой?

– Да! Хобби! – заулыбавшись, ответил тот и стал пробираться к выходу.

«Хобби! – скривился мужчина. – Как же я не догадался?»

Ему и в голову не пришло, что можно иметь такое хобби. Сидеть часами, смотреть на поплавок, выжидать в полной неподвижности... Нет, такого и врагу не пожелаешь! Хуже самой страшной пытки!

Тут, наконец, ему на телефон пришла эсмэска: «Абонент находится в зоне действия сети», и он мгновенно отправил сообщение:

«Доктор! Срочно приходите, если можете! Если не можете – все равно приходите!!!»

Получив вскоре ответ: «Холмс! Вам помочь?» – он мгновенно набрал следующее сообщение: «ДА! Я в метро, жду тебя на Невском!»

«Через сколько?»

«Уже!!!»

Я проснулся от того, что выспался! Это было непередаваемое ощущение, редкое и приятное. Когда просыпаешься не от будильника, не от других внешних воздействий, чаще всего

неприятных, а от потребности проснуться. Вокруг царила тишина, в квартире никого не было. Жена ушла на работу, оставив записку с пожеланием доброго утра, дети отправились в школу, а я лежал в кровати и представлял, как буду сейчас завтракать, читать книжку и пить кофе. В полной тишине и одиночестве.

На последнем дежурстве мне удалось поспать минут двадцать, а днем, когда я вернулся домой, выспаться не получилось. Поэтому к вечеру я был похож на зомби и, отключившись довольно рано, проспал до одиннадцати утра. Выключенный телефон этому способствовал. Я потянулся за трубкой, включил ее и от неожиданности чуть не выронил. Множество непринятых звонков, СМС-сообщения и... Тут же пришло еще одно: «Ватсон! Срочно приходите, если можете! Если не можете – все равно приходите!»

Это была наша игра в Холмса и Ватсона. Тем более что я – доктор. Кстати, почти все звонки были от него, не считая эсэмэски от жены: «Тебя разыскивает Строганов!» – и от старшего сына: «Папа, звонил дядя Арсений, спрашивал, когда ты проснешься».

Я набрал номер Арсения Строганова и, не успев поприветствовать его, услышал:

– Ты уже выехал?

– Нет, я еще даже не...

– Приезжай немедленно, вместе и позавтракаем! – перебил он меня. Фоном служил голос, объявляющий об остановке «Невский проспект». – Доктор! Дело срочное! Рядом есть отличная пиццерия! С меня пицца, кофе и...

Тут сигнал пропал и речь хитреца оборвалась. Как и мои мечты о спокойном завтраке. Даже если я сейчас отключу телефон, то не смогу спокойно сидеть за столом и пить кофе, а буду гадать о том, что же все-таки произошло. Не доев бутерброд, я лихорадочно оделся и понесся к этому нарушителю моего покоя на Невский проспект.

Какое счастье, что хоть успел выспаться!

В метро я отправил сообщение жене, что еду на встречу с Арсением. В ответ получил грустную улыбочку. Написал Арсению, что еду и не надо звонить, а на своей странице «ВКонтакте», в своей группе «Детектив. спб.ру» оставил запись:

– *Едем расследовать убийство! Буду держать в курсе!*

Вадим Агапов.

Видимо, народу в сети было невидимо, потому что уже через две станции «лайкнули» мою запись около тридцати человек.

Конечно, я предвосхищал события – вполне возможно, что никакого убийства и в помине нет. И слава богу! Но, хорошо зная Строганова... Боюсь, что его привлекли именно по этому невеселому поводу.

– Почему ты не на машине? – поинтересовался я у него после приветствий.

– Сломалась, – коротко ответил Арсений.

– Ты же только что чинил ее? – удивился я. – Что же там сломалось?

– Вот и Глеб спрашивает, что я там мог сломать... – развел он руками.

Глеб был старшим братом Арсения и полной его противоположностью. Арсений ломал почти все, что попадалось ему в руки, и Глебу приходилось чинить самые разные вещи, начиная от телефонов и заканчивая машинами. Арсений был эмоциональный, резкий, увлекающийся, а Глеб отличался спокойствием, невозмутимостью и сентиментальностью.

Мы стояли у выхода из метро. Я терпеть не могу духоту, поэтому был готов выскочить на Невский, под дождь со снегом, но Арсений, остановив меня, попросил:

– Можно мне твой телефон?

– Ты и телефон сломал? – поинтересовался я у него, протягивая свою трубку.

– Нет, мне нужно посмотреть кое-кого «ВКонтакте» и Фэйсбуке... – ответил он и стал со своей обычной быстротой набирать имена и фамилии. – Доктор, тебе надо срочно менять телефон! Он у тебя слишком медленный!

Новый айфон мне недавно подарили на день рождения.

– Это ты слишком быстрый, – хмыкнул я. – Когда себе страницу заведешь?

– Уже заводил, три, – не поднимая головы, ответил Арсений, – забыл пароль...

– Врешь! – усмехнулся я. – Просто перессорился с кучей народа, поэтому и не пользуешься...

– Вот, смотри, нашел! – перебил он меня, кажется, даже не слушая моих слов. – Игорь Ухтомский. Бизнесмен. Страница в Фэйсбуке, «ВКонтакте». Крупная корпорация. Смотри: его друзья, а вот эта... – нажал он на фото девушки лет двадцати пяти, стройной брюнетки, – его любовница!

– Она отмечена как любовница?

– Конечно, нет! – не понял мою шутку Строганов. – Они вместе на нескольких фотках. Вот танцуют... Вот ее комментарии к его фотографиям... Элементарно! Я уверен, что они любовники.

– Это имеет значение? – спросил я, немного озадаченный.

– Уже нет! Смотри – его дочка! У нее своя страница. Ей лет восемь. Ага, общие друзья – его жена! Сейчас посмотрим... Она предпочитает Фэйсбук...

– Только не оставляй, пожалуйста, комментарии от моего имени, как в прошлый раз, – попросил я его.

– Естественно, – кивнул он головой, – никаких комментариев теперь оставлять нельзя!

– Почему теперь?

– Потому что его убили пять дней назад. Все, пошли, нас ждут!

Мы вышли из метро в потоке людей и направились в сторону площади Искусств. На углу Невского и Михайловской улицы восковой Фредди Меркьюри покрылся мокрым снегом. А на площади в бронзовой ладони Пушкина грелся одинокий голубь.

– Кстати, – заявил Арсений, – как ты догадался про убийство? – И, видя мое изумление, пояснил: – В твоей дурацкой группе висит надпись, что мы начинаем расследование убийства. И девяносто человек поставили «мне нравится». Им убийства, что ли, нравятся? Так вот, я тебе про убийство ничего не говорил, а ты пишешь...

– Элементарно, – перебил я его, – интуиция.

– Понятно, – совершенно серьезно кивнул он. – Итак, убит солидный бизнесмен, нас нанимают расследовать это дело!

И так он это солидно сказал, что я не выдержал и усмехнулся.

Арсений понял мою усмешку по-своему:

– Да, я тоже вначале разозлился, почему не сразу? Зачем нужно было ждать пять дней?! А потом решил, что оно и к лучшему – версий будет меньше. Они, скорее всего, накопили кучу фактов и не знают, что с ними делать!

Мы дотопали до Музея этнографии, причем Арсений не замечал ни луж, ни брызг от проезжавших машин. Даже ветер в лицо не причинял ему неудобств...

Оказывается, нас уже ждали – «Мерседес» с тонированными стеклами гостеприимно распахнул двери перед нами. За рулем сидел мужчина примерно моего возраста, круглолицый, с прищуренными глазами. С виду – неторопливый и простоватый, но я знал, что Василий Михайлович Громов, он же Михалыч для близких друзей и начальства, был умным, хитроватым и толковым начальником службы безопасности одной крупной фирмы. Я подумал, что убитый бизнесмен, вероятно, в этой фирме и работал. И, как выяснилось вскоре, оказался прав. Я не относил ни себя, ни Арсения к друзьям Михалыча, скорее уж к деловым партнерам. Раз три нам пришлось вместе работать. Он нанимал Арсения, а тот приглашал меня в помощь или для компании. Гонорар Арсений делил пополам. Впрочем, все это к делу не относилось!

– Опаздываете. – поприветствовал нас Василий Михайлович.

– Доброе утро! – сказал я.

Он посмотрел на нас обоих, словно хотел удостовериться, что это действительно мы, и произнес:

– Нет, дорогие! Утро сегодня совсем не доброе.

Я хотел что-то ответить, но Арсений успел первым:

– Пять дней! Почему? – и забарабанил пальцами по кожаному креслу.

Видно, Громову не понравился или вопрос, или нервный тик моего друга, поскольку он вдруг гаркнул:

– Хватит дергаться! Значит, были причины! Пять дней мы никого не можем найти! И ФСБ, и органы, и мы... Как будто его невидимка убил! Ты понимаешь, что такого не бывает? Из Москвы приехали.

– И что? – как можно вежливее спросил я.

– Что? – не понял Громов.

– Ты говоришь, что из Москвы приехали...

– Они зашли в тупик, карьера Михалыча под угрозой, поэтому он так эмоционален, и они призывают нас на помощь, – ровным тоном пояснил Арсений, не дав Громову ответить.

Тот набрал воздух в себя и стал медленно выдыхать. Затем заговорил:

– Ну, чтобы не тратить времени впустую, скажу просто – да!

– Не будем терять время, – согласился Арсений и стал похлопывать кресло обеими руками. – Мы с Вадимом согласны помочь в расследовании, поэтому слушаем тебя.

– Пять дней назад, первого числа, убили нашего сотрудника Игоря Ухтомского. Причем он не рядовой работник нашей фирмы, а входил в совет директоров... Хотите, в ресторанчик пройдем? Тут недалеко, – вдруг предложил Василий Михайлович.

Я закивал, поскольку хотел есть, но Арсений тут же отказался от заманчивого предложения:

– Нет, только время потеряем. Вот шоколад, хотите? – и извлек из кармана в спинке сиденья большую швейцарскую шоколадку.

– Мог бы сначала спросить... – начал Громов, но Арсений стал ее тут же разворачивать и разламывать на части. Деваться было некуда, и каждый взял свой кусок. Я, признаться, был рад наглости моего друга.

– Итак, – продолжил Громов, – утром Игорь выезжает из дома...

– А где он жил? – спросил Арсений.

– На Жуковского. Звонит с дороги на работу, что немного задержится, такое случалось и раньше, а через некоторое время уходит с обычного маршрута и едет к выезду из города по Савушкина, на Приморское шоссе и останавливается после поста ДПС, вот здесь... – С этими словами Громов извлек бумажную карту города, испещренную линиями и пометками, и указал на красную точку, сделанную маркером, прямо на шоссе.

– А планшета какого-нибудь у тебя нет? – поинтересовался Арсений.

– Есть, я покажу в Яндекс-карте, если понадобится, – пообещал Громов и продолжил: – Там безлюдное место, небольшой съезд с дороги. Камер там нет, к сожалению. Он выходит из машины, закрывает ее и идет к другой машине, которая его ждет.

– А как вы это узнали? – удивился я.

Громов вздохнул, но терпеливо объяснил:

– На машине стоит «маячок», и можно проследить весь ее маршрут. Пока был включен телефон, тоже можно было определить, где находится человек. Далее, машина закрыта и поставлена на сигнализацию. Это значит, что он вышел на дорогу. Собака смогла взять след и провела нас метров на десять вперед. Затем след теряется. Следовательно, он сел в другую машину. Телефон еще работал. В это же время ему звонит с работы по какому-то делу один из помощников, но Игорь говорит, что перезвонит сам. Помощник рассказал, что по звукам,

доносившимся из телефона, Игорь ехал в машине и играло радио. Это было одиннадцать утра. А затем телефон отключили. Скорее всего, это сделал убийца...

– Или убийца заставил Игоря отключить, – вставил Арсений.

– Возможно, – кивнул Михалыч. – Собственно, что происходило дальше – неизвестно. Но умер он примерно в двенадцать дня. «Судебники» очень осторожничают, когда определяют время смерти... Возможно, еще раз говорю – возможно, его убили в каком-то помещении с земляным полом. И там он находился в течение семи-девяти часов. Помещение с температурой, как в холодильнике – плюс пять градусов.

– А причина смерти? – спросил Арсений.

– Ну, – протянул Громов, – там сказано: «множественные ножевые ранения, острая сердечная недостаточность»...

Арсений взглянул на меня.

– Надо смотреть заключение целиком, – пожал я плечами. – Что за ранения, какая кровопотеря. А еще бы и поболтать с «судебником», который его вскрывал.

– Пожалуйста, – ответил Громов, – все бумаги есть, у вас будет возможность ознакомиться. Кстати, руки у него были связаны скотчем, а ноги – его собственным ремнем.

– Скотчем? Вообще-то сложно связать скотчем и не оставить отпечатков, – хмыкнул Арсений, – я пробовал.

– Отпечатков не было, а были микрочастицы и следы каких-то особенных медицинских перчаток... Забыл, как называются... Сказали, что они какие-то сверхпрочные...

– Кольчужные? – предположил я. – Это дорогие перчатки, их иголкой не проколоть...

– Да, точно! Так нам и сказали, – кивнул Громов.

– Ха, врач-убийца, – усмехнулся Арсений и поинтересовался: – Следы пыток?

– Ножевые ранения. Как сказал «судебник», некоторые из них были не смертельные, но болезненные. Типа, в ногу. Где лежало тело целый день, неизвестно, но известно, что около девяти вечера на обочину съехал джип темного цвета, номера не определить, грязные. Возможно, что в нем привезли труп и, выгрузив его на улицу, отнесли по тропинке на берег Финского залива. Вот здесь... – Громов указал метку в районе между поселками Лахта и Ольгино, на берегу залива.

– А как его несли до берега? На руках или тащили на чем-нибудь? – уточнил Арсений.

– Труп везли на тележке. Вывалили его на песок, а тележку неподалеку бросили. Место, в принципе, безлюдное, а в это время года, да еще вечером, только убийцы и ходят, – неожиданно пошутил Громов. – Но, к счастью, там мужик местный с собакой гулял, он ее каждый день по берегу выгуливает, и собака обнаружила труп. Мужик позвонил в полицию, а дальше опознали, хотя и паспорт, и кошелек пытались выкинуть в залив, но их прибило к берегу, недалеко от трупа...

– Мужика проверили, – то ли спросил, то ли констатировал Арсений, – и он не имеет к убийству отношения.

– Да, – кивнул Громов, – случайный прохожий.

– А откуда про джип темного цвета узнали? – спросил я. – Или там камеры есть?

– Движение вечером не слишком интенсивное, но нашли человека, который в это время проезжал мимо, и у него на регистраторе виден стоящий в этом месте и в это же время темный джип. Похож на «Мицубиси Паджеро». Номера попробовали рассмотреть, там пара цифр вроде угадывается. Но пока ничего про него не выяснили.

– Джип из города или из области?

– Пятьдесят на пятьдесят, – неопределенно ответил Громов. – Когда изучили все данные с камер наблюдения, которые на посту ДПС, на виадуке, на въезде в город и так далее, то похожий джип с похожими номерами въехал вот сюда... – показал он на спальный район озера Долгого. – Это по времени сходится, где-то через тридцать минут после того, как его видели

у обочины. А потом он теряется во дворах. Его, конечно, ищут, но, во-первых, небольшая вероятность, что найдут. А во-вторых, не обязательно, что это тот самый автомобиль.

– Все происходило в районе Ольгино – Лахты, – то ли спросил, то ли заметил Арсений. – Машину оставил недалеко от Лахты, труп нашли в Ольгино, да и места немногочисленные...

– Да, – подтвердил Громов, – мы искали свидетелей в этих поселках, но пока никого не нашли...

– Правильно ли я понял, – вмешался я, – что он останавливается посреди дороги, потом пересаживается к кому-то в машину, его куда-то везут, где пол земляной и холодно, там убивают, а потом труп выбрасывают на берег залива? Причем не ограбив!

– Возможны варианты, – кивнул Арсений, а Громов просто промолчал. – Но для выводов нужны факты.

– Факты? А вон они, за вами, – развел руками Громов. – Целые горы фактов! Все, чем богаты...

Мы обернулись и заглянули в огромный «мерседесовский» багажник. Он был забит картонными коробками, на каждой значился номер и буква.

– Это все копии, приготовил специально для вас, – сказал Василий Михайлович.

Арсений, согнувшись пополам, вытащил одну из коробок. Повертел ее в руках и, бросив обратно, повернулся к Громову:

– Паришь! Сегодня пятое ноября, а на коробке дата «2 ноября», тогда ты еще не собирався нас привлечь к расследованию!

– Слушай, – скривился тот, – что ты все... – Он не закончил свою мысль и обратился ко мне: – Как ты с ним работаешь?

Я в ответ только улыбнулся.

– Да, кстати, – вспомнил Громов, – забыл добавить фотоматериалы с похорон. Может, они лишние?

– С каких похорон?

– С похорон Игоря, разумеется, с каких же еще?

– А зачем ты фотографировал похороны? – удивился я.

– Ну, мало ли, – пожал он плечами. – Народу много было, вдруг бы кто «засветился»... У меня парнишка толковый, он вначале незаметно всех снимал, а потом у него было задание – кое-кого послушать, что они говорят.

– Ну и как? – поинтересовался я. – Результат есть?

Громов отрицательно покачал головой.

– А где снимки? – спросил Арсений.

– На моем планшете, если надо... – Громов достал планшет, включил и разыскал папку под названием «Похороны. Ухтомский. 4 ноября».

Трагических фото было около сотни. Никогда бы не взбрело в голову снимать на похоронах. Вероятно, это у сыщиков такое поверье – убийца возвращается или на место преступления, или к своей жертве, что-то вроде этого. Во всяком случае, Арсений очень внимательно рассмотрел пару фотографий. И то ли техника была хорошей, то ли парнишка был мастером своего дела, фотографии удались. Если бы не повод, то хоть в альбом вставляй!

– Народу как много, – удивился он. – А почему?

– То есть как «почему»? – не понял Громов. – Много коллег по работе, много друзей...

– А родственники?

– У Игоря было мало родных. Родители умерли, вот жена Елена да какие-то дальние...

– А это кто? – Арсений ткнул в какую-то женщину, которая поддерживала жену под руку.

– Это тетка жены, – пояснил Громов.

– У жены тоже мало родственников?

– Почему? Родители, например...

– А где они?

– Дома у себя, они с внучкой остались, ну, с дочкой Игоря.

– А почему дочка не пошла? – искренне удивился Арсений.

– Дочка? – переспросил Михалыч. – Так она маленькая, ей то ли семь, то ли восемь лет...

– Ну, не такая уж и маленькая, – возразил Арсений, – у нее даже страница «ВКонтакте» есть... Почему ее на похороны не взяли? – Он вдруг повернулся ко мне: – Скажи, доктор, вот если ты сейчас умрешь... твои дети пойдут на твои похороны?

– Тебе никто не говорил, что ты отморозок? – возмутился Василий Михайлович.

– Говорили, но это к делу не относится, – пожал плечами Арсений и продолжил как ни в чем не бывало: – Итак, девочку на похороны не взяли. И родители его жены тоже отсутствовали...

– Тьфу ты! – дернулся Громов. – Был папа Елены! А с дочкой бабушка осталась. Вон он, как раз рядом со мной, – ткнул он пальцем в экран. – А я и забыл. Плохо он на меня действует, – кивнул он на Арсения.

– А ты неплохо выглядишь, – хмыкнул Арсений, рассматривая фото Громова на похоронах. Затем порылся в карманах пальто, извлек флеш-карту в виде зажигалки и добавил: – Скинь нам на флэшку, я их потом посмотрю.

– Ну, слава богу, – съязвил Громов и стал перебрасывать фотографии.

– Ну что ж, – важно заговорил Арсений, – мне совершенно ясно, что нам необходимо посетить... дом, где он жил, желательно поговорить и с женой, точнее, с вдовой. Затем посмотреть место, где он оставил машину, и берег залива, где нашли труп. И, конечно, работа! Надо побеседовать с коллегами и еще кое с кем...

– Не все так просто, – покачал головой Громов. – Тут уже пятидневная работа моих ребят и следственного комитета, круглосуточная! Куча информации и факты, после которых я сделал вывод, что его убийство не имеет к работе никакого отношения! Поэтому я вас и пригласил! Если бы это как-то касалось работы, я бы уже все знал, понял?!

– Конечно, – легко согласился Арсений, – в этом вопросе я вполне на тебя полагаюсь. Поэтому, когда мы поедем к вам в фирму, ты обязательно будешь нас сопровождать.

– Сопровождать?! Да ты без меня даже на пушечный выстрел не подойдешь к офису! Не допустят!

Я понял, что их надо «разнимать», и предложил:

– Может, начнем с места жительства? И с вдовы?

И Михалыч стал звонить вдове Елене.

Глава 2

Мы ехали в дом, где жил Игорь Ухтомский. Арсений сидел с закрытыми глазами и усиленно жевал. Он запихнул в рот целую упаковку жевательной резинки, сообщив, что его укачивает. А я смотрел по сторонам, удивляясь, какая странная судьба оказалась у убитого. Молодой, здоровый, обеспеченный мужчина. Прекрасная карьера, дочка, жена... По мнению Арсения, еще и любовница. И какая-то дикая, нелепая смерть! Несмотря на уверения Михалыча, мне почему-то казалось, что убили его из-за каких-нибудь разборок на работе. Большие деньги, большие разборки. Просто не хотят выносить сор из избы, точнее из офиса.

Оставив по левую руку замок, где был убит один из императоров, мы проехали мимо цирка Чинизелли, затем по мосту через Фонтанку на Литейный и, несмотря на пробки, довольно быстро добрались на улицу Жуковского. Неожиданно легко нашли место для парковки и вылезли из машины. Дождь перестал, но было все равно сыро, пасмурно и противно. Арсений, как обычно, не обращая внимания на непогоду, остановился посреди улицы и начал озираться по сторонам. Я, конечно, проследил за его взглядом: камеры видеонаблюдения, машины (многие – дорогие марки), редкие прохожие, окна дома на противоположной стороне (дом пятиэтажный, с мансардой). Громов тем временем потопал к подъезду. Арсений продолжал вглядываться в окна, но я ничего особенного не заметил. Разве что сам он стал не таким дерганным, как полчаса назад. А вот я начал почему-то нервничать. Вероятно, перед встречей с вдовой. Пять дней прошло – значит, истерики уже закончились и начинается депрессия, мне, как врачу реанимации, это хорошо известно...

– Доктор, отвернись! – вдруг гаркнул мне в ухо Арсений и тут же меня развернул в другую сторону.

– Ты чего? – накинулся я на него.

Он молча указал на мужчину с фотоаппаратом на другой стороне улицы.

– Ну и что? – спросил я.

– Ничего, странный он. Взгляд у него какой-то... Не от мира сего. Очки затемненные – в ноябре. И борода клееная... А фотоаппарат у него «Sony альфа» – эта модель больших денег стоит. Не говоря уже о ботинках...

– Почему борода клееная? – удивился я. Дорогим фотоаппаратом сейчас никого не удивишь. Да и обувь в городе не дефицит.

– А почему он на нас смотрел? – вопросом на вопрос ответил Арсений. – Я всегда замечаю подозрительные взгляды. Даже сквозь очки. А борода рыжая, ему не идет, словно ее приклеили!

Я пожал плечами. Когда Арсений начинает играть в сыщика, под подозрение попадают буквально все.

В дом, где жил покойный бизнесмен, можно было попасть с улицы только через парадный вход, где сидел крепкий молодой человек в костюме. Громов стоял напротив охранника и по телефону договаривался с Еленой о нашем визите. Разрешение было получено, и охранник с улыбкой пропустил нас внутрь.

– Подземный паркинг, – на ходу сообщил нам Михалыч, – оттуда можно подняться на лифте, но там камеры. Также камеры на входе и во дворе, все записи у нас, можно будет посмотреть...

Было заметно, что на ремонте парадной и лестницы не экономили. Восстановили лепнину, чугунную решетку перил. Да и фасад воссоздали, каким он был сто лет назад. Окна на лестничных пролетах были на две стороны: на улицу и на внутренний дворик, вымощенный разноцветной плиткой, украшенный фонтанчиками и стильными фонарями.

– И еще. – Громов остановился так резко, что мы налетели на него. – Она уже поспокойнее, наверное, потому что на лекарствах... Но будьте... Э-э... повежливей и добрей. Ты давеча про эмоции говорил? Дело не только в моей карьере. Игорь был моим приятелем. И хорошим человеком. Так что попробуйте быть душевнее, особенно это касается тебя! – ткнул он пальцем в Арсения.

Мы позвонили в дверь, и нам открыл молодой человек со смазливым лицом, черными прилизанными волосами, в джинсах и белой рубашке с закатанными рукавами. На предплечьях висел замысловатый рисунок татуировки. Оказалось, что Громов с ним знаком и представил нам его как Сержа, друга Елены.

Арсений, раздеваясь, незаметно подмигнул мне и прошептал одними губами: «Фэйс-бук!»

«А, вот где я его видел! Елена на фотках вместе с этим Сержем. Дурацкое имя, – подумал я, – типа, Сергей? Вот сюрприз! Вместо безутешной вдовы – ее любовник». И у меня непроизвольно на лице вместо скорбно-сочувственной гримасы появилась ухмылка. Впрочем, я тут же взял себя в руки – может, наговариваю на хороших людей? Но тут внутренний голос мне напомнил: а любовница Игоря?

Квартира соответствовала дому и владельцам. Сергей, или Серж, проводил нас широким и длинным коридором в гостиную. Одна стена коридора была увешана картинами, по-видимому, современных художников, а другая – фотографиями. Арсений задержался, рассматривая фото, и потянул меня за рукав, кивком головы показывая, на какие нужно смотреть. Фотографий было много, разбросаны по стене они были в художественном беспорядке. Однако, как я заметил, на некоторых были Елена с дочкой, на некоторых Игорь с дочкой. И только на парочке, причем совсем ранних, – они вдвоем.

Нас окликнул Громов, и мы прошли в комнату.

Первое, на что я обратил внимание, – это аромат кофе. Кофе пил Серж. Он сел в кресло в дальнем углу комнаты – по размерам это была бальная зала! – и, стараясь не привлекать к себе внимания, тихонько пил ароматнейший напиток. А поскольку я практически не завтракал, у меня, как у собаки Павлова, потекли слюнки...

Верхний свет был выключен, торшеры каких-то немислимых форм давали приглушенный свет и нелепые, даже зловещие тени, поэтому разглядеть хозяйку квартиры было непросто. Она сидела в необъятных размеров кресле около стеклянного столика, на котором стояли пара пустых пузатых стаканов, бутылка кальвадоса и валялась упаковка от лекарства – я разглядел неплохой антидепрессант.

Начальник отдела безопасности расположился рядышком с вдовой и что-то тихонько ей говорил. Арсений тоже плюхнулся в кресло и изучал обстановку. Мебели было немного, и, видно, не найдя ничего для себя интересного, он сосредоточил свое внимание на вдове. Слава богу, делал он это не слишком вызывающе, просто незаметно посматривал в ее сторону.

Я сел на стул неподалеку от Сержа, поскольку оттуда удобно было рассматривать хозяйку. Холеная красавица, знающая, что она красавица, промелькнуло у меня в голове. Темные волосы, карие глаза, лицо уверенной в себе женщины. Отличная фигура, за которой она, безусловно, следит... Даже круги под глазами не особенно видны, так, слабый намек. И умеренное количество косметики.

Вот чего я не увидел, так это признаков депрессии! Скорее, истерика? Нет, не похоже... Руки немного дрожат, взгляд – она мельком посмотрела на меня – какой-то напряженный... А, испуганный! – внезапно догадался я. Интересно, Арсений заметил? И сама она неподвижная, скованная, видимо от страха. Такая догадка проскочила в моем мозгу, и за диагнозом последовало лечение: здесь нужен не антидепрессант, а транквилизатор. Или кальвадос, который она и пила...

Елена, выслушав начальника службы безопасности, кивнула головой, но так ничего и не сказала.

Пауза затягивалась. Громов уже несколько минут как представил нас: частные детективы, Арсений Строганов и Вадим Агапов, но Арсений продолжал блуждать взором по комнате, останавливаясь то на Елене, то на Серже, то на люстре. Михалыч пару раз кашлянул – мол, начинайте, раз пришли. Серж молча пил кофе и ел круассан. Тут я понял, что первая партия – моя. Видно, что Арсений решил выполнить просьбу Громова – быть добрее, поэтому просто молчал. А Елена уже не испуганно, а хмуро смотрела на нас. Я тоже кашлянул... – черт, дурацкая ситуация! – и заговорил:

– Добрый день, Елена. – Поскольку мы уже здоровались, когда вошли, это прозвучало немного неестественно.

– Может быть, вы хотите расспросить Елену? – сказал Василий Михайлович. – Времени *у вас* немного!

– Да, конечно, – кивнул я и, натянуто улыбнувшись, обратился к Сержу: – Э, простите, я просто сегодня позавтракать не успел, нельзя ли мне кофейку? Чашечку. Очень уж вкусно пахнет. Спасибо. Извините.

Серж совсем не удивился, отставил свою кружку и спросил с каким-то немыслимым акцентом:

– Коффэйку? А, каффэ? Уий! Затракать? Карашо! – и вышел из гостиной.

Громов откинулся на спинку дивана, на котором сидел, и прикрыл глаза. Елена смотрела на меня как на муху, которая попала ей в кофе.

И тут вдруг Арсений громко спросил, настолько громко и неожиданно, что даже Михалыч вздрогнул:

– Елена, а где сейчас ваша дочка?

– Почему вы спрашиваете? – произнесла она напряженным голосом, еще чуть-чуть, и сорвется на крик.

– Просто поинтересовался, – соврал Арсений. – То есть она в безопасности? Да?

Руки у нее задрожали, и она обхватила ладонями подлокотники кресла.

– Успокойтесь, пожалуйста! – как ни в чем не бывало продолжил Арсений. – Вы сами знаете, что она в полной безопасности и волноваться совершенно не о чем.

Елена, фигурально выражаясь, взяла себя в руки, сделала пару глубоких вдохов и медленно выдохнула. Громов скакал вокруг нее, заглядывал в глаза, налил ей в стакан алкоголя и предлагал выпить. Но она отрицательно покачала головой:

– Я в порядке!

Однако Арсений не остановился на достигнутом эффекте.

– А что у вас были за предчувствия? – вопросительно посмотрел он на Елену.

– Предчувствия? – переспросила она.

– Ну да, предчувствия, страхи... Вы же предчувствовали, что что-то произойдет? Разве не так? Какие-то ощущения приближающейся беды?

– Откуда вы это знаете? – прошептала Елена.

Теперь я отчетливо видел, что она не была ни в какой депрессии, она была напугана. Страх! Поэтому и алкоголь, поэтому и любовник в доме на следующий день после похорон, поэтому и дочка была спрятана в доме у родителей!

– А когда вы это почувствовали? – вкрадчиво поинтересовался Арсений, не обращая внимания на ее вопрос.

– Ты ничего мне не говорила! – изумленно вставил Громов.

И тут Елена заговорила. Видимо, все эти дни она держала свои страхи в себе, ни с кем не делилась, только боялась! Не за себя – за дочь...

– Да сразу после похорон! Когда мы с Игорем на похороны ездили, к этой, как ее, Устинье... Я еще не хотела ехать – зачем нам туда тащиться, особенно Кристине? А он просил, говорил, что пусть она попрощается, что Устинья ее знала! Там все и произошло!

– Что?! – в один голос спросили мы с Громовым...

– Силь ву пле! – с этими словами в комнату вошел Серж с сервировочным столиком и подъехал ко мне. Там были кофе, круассаны, варенье и сыр трех видов. – Пожалуйста! – с акцентом добавил он.

«Значит, месье – француз!» – догадался я. Но к еде так и не приступил, потому что не хотел упустить ничего из рассказа Елены.

– ...это даже не родственница, просто знакомая его родителей! Но если я говорила «не надо», он специально, мне назло, настаивал ехать на похороны! Тащились черт знает куда! А эта Устинья нашу Кристину всего-то пару раз видела, девочка ее и не помнила... И вот уже под конец, когда гроб опустили в яму, все пошли прощаться, и Игорь пошел. А мы с Кристиной стояли неподалеку, и она решила к нему подойти. А там места мало, вокруг одни могилы, одна на другую залегают. Кристина ступила на землю у соседней могилы... И тут случился этот ужас! То ли там земля рыхлая, то ли ручей подземный, только вдруг земля стала медленно под ней проседать, она попыталась выпрыгнуть, но тут же провалилась по пояс! Я закричала, к ней подбежали, помогли вылезти... А дальше я уже и не помню, что происходило. Наверное, Кристина плакала... И еще какая-то старая ведьма, которая около нас стояла, все причитала: «Плохой знак...»

– Кристина не пострадала? – спросил Громов, видимо, чтобы отвлечь женщину от воспоминаний.

– Нет, – ответила Елена, – скорее пострадала я, да и то морально... Но с того момента у меня и появилось неприятное ощущение страха! За Кристину. Предчувствие, что скоро что-то произойдет.

– А Игорь? Он что?

– Игорь? Игорь гораздо спокойнее к этому отнесся, мы еще поругались по этому поводу. Он сказал, что я истеричка, что ничего особенного не произошло. Ну, провалилась девчонка в яму, слава богу, ничего не сломала... А я знала, что все это не так просто, это и вправду был дурной знак!

– А кто-нибудь к вашему мужу подходил на похоронах? – резко подался вперед Арсений.

– Ну, многие подходили, я не обращала внимания...

– Я думаю, что смерть Игоря – это и было то несчастье, которое вы предчувствовали! Так что все плохое осталось позади, а теперь все будет хорошо! И дочке будет хорошо! Правильно? Вы согласны?

Елена слушала его, чуть приоткрыв рот, и тихонько кивала в знак согласия. Оказывается, Строганов еще и гипнотизер!

Повисла пауза, которую нарушил Серж. Он что-то негромко сказал Елене по-французски, а та, подумав, ответила тоже на французском. Они немного поспорили, после чего Серж, попрощавшись с нами по-русски, тихо удалился. По-английски.

– Серж в наш ресторан поехал, – пояснила нам Елена, – я его отправила! Управляющий должен быть на месте! Он не хотел ехать, хотел со мной остаться... Как бы не пришлось его продавать... – задумчиво добавила она.

Я вначале подумал про Сержа, но потом понял, что речь шла о ресторане. Здорово Арсений ее переключил! Если она уже про бизнес печется, значит, не все так плохо! Строганов тоже наблюдал за Еленой и, решив, что она успокоилась, продолжил свой допрос:

– А писем он за эту неделю не получал?

– Игорь? Письма? Вероятно, получал, он же занимал большой пост...

– Вы не поняли, – перебил ее Арсений, – я говорю об обычных письмах, которые почтальон приносит.

Елена воззрилась на него, словно впервые слышала это слово. Потом сказала:

– Если и получал, то я об этом не знала! А при чем тут письма? И почему он должен был что-то получить?

Громов хотел вставить свою реплику, но Арсений не дал:

– Вероятно, ваш муж с кем-то встречался. О встрече обычно договариваются. Редкий и необычный способ – это письмо. Не электронное, а бумажное! – добавил он. – Может, ваш муж вспоминал какого-нибудь старого знакомого?

– Даже если и вспоминал... – устало произнесла Елена. – Вы не понимаете! Мы давно уже не жили как муж и жена. Конечно, обсуждали планы, проблемы и так далее. Но у него была своя жизнь, а у меня своя. Жили вместе из-за дочки. Просто Кристи не пережила бы, если бы мы вдруг разъехались. Вот и решили ради нее проживать на одной территории. Места-то много... Игорь не смог бы жить без дочки, и я, разумеется, тоже... Так и общались: кто с Кристиной гулять идет, кто забирает с занятий... Кстати, в тот день Игорь должен был ее забрать...

Елена неожиданно замолчала и побледнела. Мы с подозрением уставились на нее.

– Старый знакомый?! – медленно протянула она. – Как же я забыла? Меня же сто раз спрашивали! И ты тоже спрашивал! – обратилась она к Громову.

– Ну да, – кивнул тот. – Ты кого-то вспомнила?

– За день до смерти я спрашивала Игоря о планах на завтра! А он мне ответил: «С утра встречусь с одним старым знакомым, а потом на работу! И уйду пораньше – заберу Кристину сам!»

– Кто это был?! – вскочил Громов.

– Я не знаю! Он не сказал...

– Ну, хоть что-то, – покачал головой Михалыч. – Хотя, конечно, это нам немного дает! У Игоря было полно знакомых, в том числе и старых!

– Напротив, – возразил Арсений, – это очень ценная информация! Теперь нам нужны записи с камер, которые висят над входом...

– А что ты там хочешь увидеть? Мы все пересмотрели, – пожал плечами Громов, – и ничего интересного не нашли.

– Не что, – поправил его мой приятель, – а кого! Это он, это он, петербургский почтальон!

– Объясните мне, – тут же потребовала Елена, – что вы... Ну, кого вы хотите увидеть на записи с камеры? Что за почтальон?

– Арсений думает... – начал Громов, но тот его перебил:

– Я не думаю, потому что еще мало информации, чтобы думать! Я просто предполагаю! Как могли договориться о встрече пара человек в Петербурге? Если верить Василию Михайловичу, то ни мейлов, ни эсмэсок с предложением встретиться, ничего такого не было. Включая соцсети. Телефонные переговоры?.. – вопросительно посмотрел он на Громова.

– Мы просмотрели номера звонивших Игорю и кому он сам звонил за последнюю неделю – незнакомых номеров не было, – ответил Михалыч.

Чтобы раздобыть записи с камер (одна из холла в подъезде, другая – уличная, над входом) и организовать просмотр, Громову потребовалось некоторое время. Арсений не мог усидеть на одном месте и вышел из комнаты, а я стал составлять краткий отчет об убийстве, после чего послал его в свою группу «ВКонтакте». Тут же стали приходить комментарии. Большая часть читателей подозревала жену и любовника. Но были и те, кто обвинял коллег по работе. Разумеется, я, чтобы сохранить, так сказать, медицинскую тайну, скрыл имена, адреса и прочую приватную информацию.

Наконец Громов запустил просмотр видео с наружной камеры на своем ноутбуке.

– Это за день до убийства, – уточнил он.

Мы чуть не пропустили его! Около полудня уверенным шагом к парадной приблизился мужчина в синей куртке с капюшоном, на плече приличных размеров сумка, видно, набитая газетами, и позвонил в домофон. Затем зашел внутрь. Судя по бравой походке – не старый, в хорошей физической форме.

– Сейчас поставлю следующую камеру! – Громов повозился некоторое время и сказал: – Вот! Смотрите!

Следующий эпизод: мужчина открывает дверь и входит. Капюшон скрывает пол-лица. Говорит с охранником, голову чуть наклонил вниз, передает ему конверт, затем выходит на улицу. Сзади на куртке большими буквами выведено «Почта России»...

Снова камера над входом: почтальон выходит на улицу и удаляется не в ту сторону, откуда пришел, а в обратном направлении.

– Ну и что? – удивленно посмотрела на нас Елена.

– Попробовать разыскать почтальона? – предложил Громов.

– Если ты сумеешь найти почтальона, считай, убийца у тебя в кармане. Или его сообщник! – радостно потер руки Арсений.

– Это был убийца? – тут же отреагировала Елена, и голос ее задрожал.

Мы, как могли, успокоили ее, но она отказалась от дальнейших просмотров и ушла в другую комнату звонить дочке.

– Кто работает в «Почте России»? – спросил Арсений. – Здоровые мужики? Так это только в стихах! А на деле – старые астматические толстые тетки! И фиг ты его найдешь...

– Надо опросить охранника, который дежурил в тот день! – возбужденно заговорил Громов. – Может, фоторобот составить удастся. Конверт! Вдруг там отпечатки удастся обнаружить? И камеры по всей улице посмотреть! На чем-то же он приехал? Куртка фирменная – где-то он ее взял? По этой куртке его легко проследить! Это след! И я по нему пойду!

– Давай-давай! – напутствовал его Арсений, но не слишком оптимистично.

– А где же письмо? – вспомнил Громов. – Мы перерыли все бумаги Игоря, писем там не было. А ты что предлагаешь?

– Во-первых, – закинул ногу на ногу Арсений, – письмо ты не найдешь. Это же улика! Кто ее оставит? Только debil. А убийца умен. Был бы глупый, вы бы его сами поймали! Далее, – хладнокровно продолжил он, – камеры! Но он предвидел, что может попасть в них, поэтому сумел проложить маршрут, где камер нет. А то, что мы смотрели, так там лица практически не видать!

– Ты же сам говорил, что это ценная информация, – ядовито заметил Громов. – Ну и где она, ценность?

– Ценная, – невозмутимо ответил Арсений, – потому что подтверждает мою догадку. Старый знакомый откуда-то объявился, принес письмо, где договорился о встрече, встретился, убил и... – он вдруг замолчал.

– А может быть, он просто послал письмо по почте? – Я тоже решил поучаствовать в расследовании. – И это был настоящий почтальон?

– Нет, – мотнул головой Арсений, – невозможно предугадать, сколько идет письмо в Питере. Может, день, а может, и месяц! Ты меня с мысли сбил! Черт!

Мы замолчали. Громов вдруг вспомнил, что видел конверт в бумагах Игоря, и стал куда-то названивать, негромко отдавая приказания. Потом позвонил какому-то полковнику и доложил о наших успехах, причем присвоив их одному себе!

– Итак, – вернулся он к нам после переговоров, – что дальше?

– Все по плану, – ответил Арсений. – Едем на место, где нашли труп, а по дороге заедем туда, где он останавливался!

Глава 3

Чем мы коренным образом различаемся с Арсением, так это отношением к покою. Я могу спокойно сидеть, закрыв глаза, и думать. Или мечтать. Или представлять что-нибудь. Или спать. Арсения представить сидящим и ничего не совершающим – невозможно. Скорее вечный двигатель перестанет работать, чем Арсений остановится! Поэтому, поняв, что все, что можно, мы уже услышали, он стал собираться и поторапливать нас, причем в свойственной ему не слишком деликатной манере.

– Полный вперед! – приговаривал он, влезая одновременно в оба ботинка. – Сколько можно здесь торчать?

– Подожди, надо еще с Еленой попрощаться, – бросил ему Громов, одновременно отдавая кому-то приказания по телефону.

– Ну, так давай быстрее! Скажи от нас от всех «до свидания», а мы с доктором тебя подождем на улице!

Михалыч начал с ним спорить – он хотел еще задержаться, чтобы самому пообщаться с охранником, узнать насчет уличных видеокамер и так далее, а Арсений возражал ему, что за него это сделают его подчиненные, причем не хуже его самого, и быстро направился к лестнице. Когда Елена вышла попрощаться с ними, Громов предложил ей прислать телохранителя, но она, подумав, отказалась.

– Тогда, если что понадобится, сразу звони! – напоследок сказал он и собрался уже уходить, но Елена вдруг окликнула его:

– Василий, вылетело из головы! Насчет помощи. Ты сегодня будешь на работе?

– Конечно, – кивнул он. – А что надо сделать?

– Да я насчет квартиры Игоря, мне так не хочется этим самой заниматься, что я решила попросить вашего юриста Женю. Он нам в прошлый раз помогал с документами по этой квартире, – пояснила она. – Может быть, удобно ему поручить? Или мне самой генеральному позвонить?

– Э-э... Евгению я скажу, он сейчас в отъезде, завтра придет. Я только не понял, с какой квартирой?

– Старой квартирой Игоря! Мы когда-то там жили. Потом эту купили, а продавать старую не стали. Игорь не захотел...

Арсений, который аж пританцовывал, ожидая нас на лестнице, услышав разговор, тут же вернулся в холл и стал внимательно слушать.

– А теперь эта квартира будет на мне, а ни мне, ни Кристине она не нужна. Надо ее продать. Просто я не хочу туда ехать...

– Все понял, – закивал Михалыч, – устроим, без проблем. Евгений с тобой встретится, ему нужна будет доверенность. Я уверен, что он не откажется помочь!

– А что за квартира? – как бы невзначай поинтересовался Строганов.

– Квартира родителей Игоря, – пожала плечами Елена. – Мы там жили в начале нашей совместной жизни, где-то года полтора. Потом переехали. Родители у него умерли, и квартира стояла пустой. Я предлагала продать, но Игорь отказывался. Все свое детство там провел, жалко ему было.

– Она так и стоит пустая? – продолжал проявлять интерес Арсений. Снять он ее, что ли, хочет?

– Нет, там какие-то знакомые Игоря живут. Причем, по-моему, бесплатно. Игорь частенько занимался благотворительностью.

– А вы там давно не бывали? – Арсений явно перебарщивал, это было заметно по Елене, которая, видимо, уже раскаивалась, что не поговорила с Михалычем без свидетелей.

– Я же сказала, мы там жили еще до рождения дочки! С тех пор я там не появлялась, и кто там сейчас – даже не представляю и не хочу представлять. Просто у меня нет желания всем этим заниматься: выселять кого-то, договариваться, общаться с покупателями!.. Понимаете?

– Конечно, – очень серьезно ответил Арсений. – Вам и не придется! Вы нам сейчас ключи от квартиры можете дать и адрес назвать?

– Строганов! – взорвался Громов. – Я подключу к этому нашего юриста! Завтра! Тебя это не касается! Извини! – последнее слово предназначалось Елене.

Та неожиданно усмехнулась и произнесла:

– Так, понятно, давайте я лучше вам сейчас все отдам... И твой детектив уже уедет!

Она подошла к висевшей на стене ключнице, покопалась там и извлекла пару ключей, висевших на старом брелке. Затем мы записали адрес и оставили вдову в покое.

По дороге Громов высказывал Арсению свое недовольство, говоря ему, что это он, Василий Михайлович, нанимает его, Строганова, и что он, Громов, – главный, а Арсений – подчиненный! И так далее, пока мы не дошли до машины. Арсений все молча и внимательно выслушал, но как только мы сели в машину, заявил:

– Так точно, господин начальник! Я с тобой полностью согласен. Поэтому мы меняем маршрут. Поскольку квартира убитого находится на Петроградке, мы едем вначале туда. Потом, поскольку и я живу на Петроградке, заезжаем ко мне, чтобы оставить все коробки. И на место преступления едем уже завтра. Сегодня мы с доктором изучим все твои факты, а завтра...

Но что, по мнению Строганова, должно было произойти завтра, я не узнал, поскольку Михалыч, доведенный до белого каления и не привыкший к таким манерам, заорал:

– Завтра?! Я не собираюсь! И не могу! Потому что еще немного – и прибую тебя! А доктор будет свидетельствовать, что это доведение до убийства! Это последний раз, когда мы с тобой сотрудничаем! Ты понял?!

Он отвернулся и стал искать сигареты в карманах. Найдя полупустую пачку, немного успокоился и блаженно затянулся дымом. Ни я, ни Строганов не выносили табачного дыма, поэтому тут же открыли окна.

– При чем тут эта квартира? – через некоторое время спросил Михалыч.

– Это вехи человеческой жизни, – охотно объяснил Арсений. – Дома, где живут люди... Работа... Увлечения... Убийство однозначно было спланировано, поэтому случайные, незнакомые люди не имеют значения. Что-то из его прежней жизни, точнее, кто-то. Он, покойник, ценил эту квартиру! Не продавал. Значит, надо посмотреть, что там можно найти интересного! А нас интересует все, что относится к убитому! Особенно когда он был живой, – значительно добавил он.

– Бред! Фигня! – отозвался Громов. – Ты заключения экспертов посмотри. Вот это интересно! Несколько человек ищут джип в одном из районов, и если они его найдут – вот это и будет интересно! А квартира, в которой Игорь сто лет не бывал...

– Ты и к жене ехать не хотел, – поддел его Арсений, – а если бы мы не поехали, то не узнали бы про похороны...

– Пфф! Ерунда на постном масле! Почтальона засекли – за это тебе спасибо! Не отрицаю. Будем работать в этом направлении. А какой-то мелкий эпизод... Ну, провалилась девочка в яму, и что?

– Кстати, – обратился я к Арсению, – а как ты вычислил про предчувствия, про дочку?

– Это как раз несложно! – пожал он плечами. – Попал пальцем в небо, угадал. И сами бы могли, если бы потрудились! Задавать вопросы – кого подозреваете, кто звонил – смысла не было. Во-первых, все это уже расспросил Михалыч, и что? И ничего! Поэтому я использовал знания, полученные от одной знакомой цыганки...

Я недоуменно уставился на него.

– Как-то у меня был роман с одной цыганкой... Хотя на самом деле она была молдаванкой, но это не принципиально! Кстати, а вот ее дядя был цыганский барон. Мамаша ее ходила по улицам и получала деньги с доверчивых граждан. А девушка работала в одной конторе, руководила приемом на работу. Попросту говоря, оценивала претендентов – брать человека на должность или нет... Так вот, она мне рассказывала, как определить, что за человек перед тобой! Для этого нужно быть хорошим психологом, иметь наблюдательность и некоторый опыт общения с людьми...

– А она тебя хорошо изучила? – поинтересовался Громов.

– Да, и я ее тоже, – ответил Арсений.

– Тьфу на тебя, срамota! – бросил в сердцах Михалыч и отвернулся.

А Арсений продолжил как ни в чем не бывало:

– Мамаша учила всему мою приятельницу, думала, что дочка пойдет по ее стопам, будет обирать легко внушаемых простофиль. Но дочка решила иначе и стала использовать полученные знания, не нарушая закон...

– А при чем тут?.. – не выдержал я его болтовни.

– При том, что оценивать человека нужно, так сказать, издаleка! Во что одет, как стоит, какая походка, что за выражение на лице. Затем физиогномические наблюдения... Одного взгляда на Елену было достаточно, чтобы понять, что она сильно испугана. Согласны?

Я кивнул. Громов сидел молча.

– Далее, что самое важное для любого родителя? Конечно, дети. Видели, сколько фоток висит на стенах? И на всех – ее дочка. Или с ней, или одна, или с папой. На похороны ее не берут...

– Дались тебе эти похороны, – проворчал Михалыч.

– Совершенно верно, – подтвердил Арсений, – мама напугана, дочку прячут у родителей, любовник в квартире... причем сразу после похорон! Почему? Да потому, что она боится! И не за себя, а за дочку. Поэтому пробный камень, так сказать, был – вопрос о дочери. И я попал.

– Ну, допустим, – согласился я, – а про предчувствия, страхи?

– Опыт моей цыганки! Когда я стал ее расспрашивать про безопасность, вы заметили, что она делала?

– Чуть в обморок не упала, – хмуро ответил Громов.

– Ничуть! – возразил Арсений. – Она три раза постучала пальцами по подлокотнику кресла. «Дочка в безопасности, тьфу, тьфу, тьфу!» Это значит, что она относится к типу людей, верящих в приметы, а следовательно, у нее должны быть предчувствия, страхи, она должна верить в потусторонний мир, экстрасенсов и прочая, прочая...

– Подожди, – возразил я, – ну, постучала она по дереву, но ведь так все делают, типа, чтобы не сглазить...

– Вот-вот! – кивнул Арсений. – Такие и в сглаз верят, поэтому я и стал ей говорить про предчувствия, они должны были быть, и она подтвердила мою догадку!

– А насчет письма? – вдруг вспомнил я. – Что там могло быть такого написано, что он, никому ничего не сказав, отправился на встречу?

– Может, от женщины? – предположил Громов.

– Нет, – тут же возразил Арсений, – я вначале тоже так подумал, но, вспомнив его любовницу, решил, что она не будет писать писем, не тот типаж. Скорее всего, от какого-то старого знакомого. Или знакомой. Как говорят доктора, рано еще ставить диагноз, обследования впереди!

Арсений все же настоял на своем, и мы решили ехать на старую квартиру убитого, а потом уже к нему. Выезд на место, где было найдено тело, запланировали на завтра, причем Громов обещал нам выделить своего помощника, который бы нам все и показал.

– Его зовут Владимир Шарапов, – усмехнулся он.

- Прикол, что ли, такой? – не поверил я.
- Нет, на самом деле Володя Шарапов.
- А что здесь странного? – удивился Арсений. – Имя или фамилия?
- Эх, молодежь! – засмеялся я. – Не знаете героев прошлого!

Арсений пожал плечами и полез в интернет – его всегда задевало, если окружающие знали больше, чем он.

Глава 4

Я тоже уткнулся в свой телефон – нужно было вкратце рассказать читающей публике про наше расследование. Поэтому, пока мы ехали по Невскому, я головы не поднимал и закончил свои заметки как раз посреди Дворцового моста. Мы стояли в пробке, в машине было жутко холодно оттого, что Арсений настежь открыл свое окно и в него задувал ледяной ветер с Невы.

– Тебе не холодно? – поинтересовался я у него.

– Зато не укачивает, – не открывая глаз, ответил он, полулежа на сиденье и подставив лицо ветру. – «...И ветер дул, печально воя, была ужасная пора!»

Я посмотрел в открытое окно и воскликнул:

– Смотрите, наводнение!

Арсений приоткрыл глаза и вновь продекламировал:

– «...Ветер бил по лицу мокрой тряпкой! А Нева металась, как беспокойный больной в своей постели!» Василий Михалыч, может, музыку включишь?

Громов недовольно зыркнул на Арсения в зеркало, но не успел ничего сказать, поскольку у него зазвонил телефон.

Мы снова поехали, Громов нервно говорил по телефону, а я поинтересовался у Арсения, что он думает по поводу вдовы и ее друга Сержа.

– Они могут быть причастными к убийству? Мы будем их рассматривать как подозреваемых? – спрашивал я, глядя на бледное лицо Строганова.

– А мы сейчас об этом Громова спросим, – ответил Арсений.

– Вы про Елену? – обернулся к нам Михалыч, как раз закончивший разговор. – Конечно, мы рассматривали и ее, и Сержа в качестве подозреваемых. Изучали их телефонные разговоры, встречи, круг их общения, электронную почту и так далее. Никаких доказательств причастности ни у одного, ни у другой нет. Да и чисто по-человечески, мне просто не верится! – добавил он.

– Значит, – заключил Арсений, – рассматривать их будем, но не как подозреваемых...

Громов резко затормозил и стал парковаться в узкую щель между двумя машинами.

– А это тебе подчиненные звонили? Уже новости есть? – полюбопытствовал я.

Он нахмурился и, немного помолчав, ответил:

– Да. Все мимо... Охранник, дебил, вспомнить лица почтальона не может. И в почтовом отделении ответили, что у них вообще мужчин-почтальонов нет...

Квартира Игоря оказалась недалеко от дома Арсения. На улице заметно стемнело, фонари отражались в черных лужах, а ветер отчего-то стих. Люди спешили с работы по домам, в окнах загорался свет, и мне захотелось попасть к себе домой, на кухню, где тепло и уютно и где меня ждали...

Я взглянул на Арсения, он деловито осмотрелся, после чего полез с телефона в интернет, видимо, что-то разыскивать. Громов подошел к парадной и стал изучать номера квартир.

– Черт! Старый фонд! Смотрите, как идут квартиры: седьмая, восьмая, дальше четырнадцатая! А где предыдущие? Потом двадцатая, двадцать третья и, блин, не поверите, – девяносто девятая! Ну кто так строит?! – возмущался он.

– Скорее всего, – сказал Арсений, – нам нужен подъезд, который во дворе.

– Подъезды в Москве, – поправил я его. – У нас парадные...

– Почему в Москве? – удивился Арсений. – Это парадный вход, так сказать, парадное или парадняк. А подъезд – это...

– Хватит разглагольствовать! – оборвал нас Громов. – Пошли во двор. – И ринулся в скудно освещенную подворотню.

Но там путь преградили железные ворота. Магнитный ключ на брелке не подходил. Михалыч подергал калитку, но безрезультатно. Тогда Арсений схватился за ручку, уперся ногой в ворота и с силой дернул. Без эффекта. Он приноровился и дернул сильнее. Раз! И калитка в воротах распахнулась.

Мы вошли в классический двор-колодец. Свет, падавший из окон, выходивших во двор, давал возможность не наступать в лужи. В одном из углов угадывалась дверь в подъезд или парадную, как вам больше нравится. На кухнях были открыты форточки, из которых доносился звон расставляемой посуды, можно было услышать и телевизионные новости, которые прерывались свистками кипящих чайников, галдели голоса, преимущественно недовольные, играла музыка. А на первом этаже, окна которого начинались от земли, жарили курицу. И аромат ощущался посреди двора такой, что у меня потекли слюнки.

– Вон дверь! – указал Громов в темноту и двинулся на штурм.

Домофон, конечно, не работал, но и замок в железной двери был сломан, поэтому мы беспрепятственно прошли на лестницу. Лестница была крутая и по тридцать ступенек в каждом пролете. Пол на площадках был выложен мозаичной плиткой, огромные окна не изменились с момента постройки дома, только кое-где были заколочены фанерой.

Громов, кряхтя, поднимался по лестнице. Я за ним, тоже с трудом и периодически переводя дыхание. А Арсений словно и не замечал крутого подъема, к тому же еще и зачитывал нам с телефона историческую справку.

– Хороший сайт нашел, citywalls, – говорил он. – Дом построили в 1905 году! Модерн! Архитектор Мульханов... Известный, кстати! Доктор, слышал о нем? Толщина стен – 95 см, вот это крепость! Кирпич полнотелый... Печное отопление, печи двух типов: круглые железные голландские и каменные, выложенные плиткой... Дымоходы действующие. Паркет – дубовый, в елочку... О, тут интересные люди жили и бывали! Некто Кржижановский! Это большевик какой-то... Ленин здесь бывал! Прикиньте, дважды к «Крыжовнику» этому заходил в 39-ю квартиру и один раз неизвестно к кому... Еще жильцов нашел: генерал Куропаткин, чиновник Чушкин, Афанасий Кузьмин... Почти все квартиры есть...

Пока мы карабкались на последний этаж, Строганов поведал нам и про домовладелицу, и про соседние дома, и про известных личностей, которые в них проживали. Ему, как аборигену Петроградской стороны, это было интересно. Наконец в полутьме (горела лишь часть лампочек) мы подошли к двери, над которой Громов высветил табличку с номером 100. Дверь была старая, деревянная, крашенная красно-коричневой краской, двустворчатая. Громов подергал за чудом сохранившуюся бронзовую ручку – дверь была заперта. Арсений разглядел звонок и воткнул в него палец. То ли звонок не работал, то ли его просто не слышали, но ответом была тишина.

Громов уверенно вставил ключ в замок, два поворота – и первая дверь открылась. Створка внутренней двери была распахнута. В темноте угадывалось помещение приличных размеров. Арсений с Михалычем осветили своими фонариками прихожую, и мы, никого не обнаружив, вошли в квартиру. Мне стало не по себе, поскольку в квартире кто-то был. По крайней мере, из недр доносились голоса: женский, словно уговаривающий, и мужской – нервный, раздраженный.

Громов шел первым по узкому коридору и светил фонарем под ноги. За ним шел Арсений и освещал фонариком стены с множеством акварельных работ, довольно симпатичных, как мне показалось, хотя я мог и ошибаться из-за неровного освещения.

Наконец мы подошли к прикрытой двери, ведущей, по-видимому, в комнату. Голоса стали хорошо различимы, и мы слышали, как женщина уговаривает мужчину куда-то вернуться, а тот наотрез отказывается... Арсений хотел было постучаться в дверь, как вежливый гость, но Громов не дал ему показать хорошие манеры, резким ударом распахнул ее и ринулся в комнату. Строганов – за ним. Ну, а я остановился в проеме двери.

В дальнем конце комнаты стояла симпатичная девушка, а рядом с ней молодой человек, высоченный, худой, с испуганным взглядом и выражением обиды на лице.

– Добрый вечер! – улыбаясь, начал Арсений, но продолжить не сумел.

– Заложила?! – заорал истошным голосом молодой человек, и девушка, инстинктивно закрыв голову руками, застыла на месте.

А действие стало развиваться необычайно стремительно: резко развернувшись в нашу сторону, парень схватил стул и побежал к нам. При этом голосил что-то типа «живым не дамся!», а вслед ему неслось умоляющее: «Олег!»

Михалыч, который первым стоял у него на пути к свободе, шагнул навстречу нервному молодому человеку, играючи уклонился от летящего в его голову стула, сделал Олегу подсечку и одновременно добавил ребром ладони ему по шее, отчего тот отлетел на пару метров в сторону и с грохотом рухнул на пол.

Громов не спеша двинулся в его сторону, но ему наперерез бросилась девушка и, несмотря на хрупкость своего телосложения, загродила собой валявшегося без признаков сознания возлюбленного.

– И коня на скаку, и телохранитель, – тихо проговорил Михалыч, бросил взгляд на распростертое тело, свернул в сторону от девушки, поднял валявшийся стул и уселся на него. А девушка, убедившись, что возлюбленному более не грозит опасность, склонилась над ним, пытаясь привести его в чувство.

Все это произошло настолько быстро, что я, видимо, непроизвольно задержал дыхание, а теперь с облегчением выдохнул.

Строганов, сунув руки в карманы, покачивался на носках и рассматривал девушку и ее приятеля Олега. Громов, сидя на добытом в бою стуле, улыбался.

Молодой человек уже пришел в себя, но продолжал лежать, не делая попыток не то что продолжить бой, но даже встать. А девушка гладила его по голове, говоря ему что-то успокаивающее.

Я осмотрелся. Большая комната со старой мебелью, мольбертом и множеством картин, которые большей частью стояли вдоль стен. В углу – огромная, круглая, покрытая черным крашеным железом печка-«голландка». Высокий потолок с множеством трещин и лепниной по периметру... Я обратил внимание, что Арсений тоже с интересом рассматривает окружающую обстановку. Особенное внимание его привлекла печь, он даже попытался приоткрыть темную закопченную дверцу.

– Меня зовут Василий Михайлович, – неожиданно представился Громов, удобно развалившись на стуле. – Мы – друзья и коллеги Игоря Ухтомского. А вы кто такие?

Девушка удивленно вскинула голову и спокойно ответила:

– Мы тоже друзья Игоря! Только я не понимаю, зачем... Почему вы сюда вваливаетесь? Мы живем здесь очень давно, и Игорь... – Она замолчала на мгновение, затем резко поднялась и прошла к круглому деревянному столу, на котором лежал мобильный телефон. – Я могу позвонить Игорю, и он поговорит с вами...

– Боюсь, что нет, – усмехнулся Громов.

– А я не боюсь! – с некоторым вызовом произнесла она и стала звонить. Но, естественно, не дозвонилась. – Странно, телефон выключен... Но он перезвонит, когда увидит мой звонок, – проговорила девушка и положила телефон в карман джинсов.

– М-да... – покачал головой Михалыч. – К сожалению, Игорь не увидит вашего звонка и тем более не перезвонит. Потому что он уже пять дней как мертв! Его убили! И мы занимаемся расследованием его убийства!

Сказанное произвело впечатление: девушка замерла с широко открытыми глазами, а ее приятель отполз назад к креслу и оперся на него спиной, продолжая сидеть на паркетном полу, и, часто мигая, переводил взгляд с Громова на подругу.

- Вас, значит, зовут Олег. А вас? – обратился Михалыч к девушке.
- Какой кошмар! – воскликнула она. – Но... Это точно? Вы нас не обманываете?
- Ира, – подал голос приятель. – Ее зовут Ира, и она действительно дружит с Игорем.

В смысле, дружила...

Ира села в кресло, к которому привалился Олег, а он взял ее за руку и пытался успокоить.

– К сожалению, это правда, – кивнул Громов. – И то, что мы расследуем его убийство, тоже правда. Вы снимали его квартиру?

Она молча кивнула и уставилась в одну точку на полу.

– Нам теперь придется съехать с квартиры? – поинтересовался Олег. Но ему никто не ответил.

– А когда... Когда это случилось? – прошептала Ира.

– Первого числа, – охотно сообщил Громов. – Вы помните, где вы были в тот день?

Девушка изумленно посмотрела на него, скорее всего, она даже не поняла, почему ее об этом спрашивают. А Олег тут же все просек и стал лихорадочно вспоминать, где же он был в тот день.

– Ир! А где я был-то? Не помню... Первое число, первое число... А сегодня какое?

– Ты был в больнице, а я дома, – безучастно ответила она. – А что?

– Он спрашивает наше алиби! Понимаешь? Когда было убийство – что мы делали, где мы были? – торопливо заговорил Олег.

– Я все равно не понимаю, какая разница, где были мы... – Ира вдруг осеклась и тихо добавила: – Вы что, нас подозреваете?

– Мы подозреваем всех, – хмуро ответил Громов.

– У меня нет алиби, а Олег лежал в больнице и только вчера вечером вернулся. Сбежал.

– Извините, я думал, что вы из больницы! – добавил парень.

– У вас есть шансы оказаться в больнице, – ответил ему Громов и криво улыбнулся: – В травматологическом отделении.

Лежащий на полу молодой человек напрягся.

Арсений вновь вернулся к изучению обстановки комнаты, я тоже повертел головой, мне показалось, что квартиросъемщики вряд ли имеют отношение к убийству Игоря. Но Громов, видимо, считал, что нужно их раскрутить до конца.

– Вы давно знакомы с Игорем? – многозначительно прищутив глаза, спросил он у Иры.

– С детства, – печально ответила она. – Наши родители дружили, и мы тоже, хотя Игорь старше меня лет на пять. И потом продолжали поддерживать дружеские отношения. Игорь помогал мне выставки устраивать. Как только он с этой квартиры съехал, разрешил мне здесь жить. Мы с Олегом платим только коммунальные расходы. Игорь очень добрый... Был... – добавила она.

– Когда Игорь с женой уехали на другую квартиру, вы сразу и заехали?

– Ну, может, через пару лет. Это квартира его родителей, – пояснила Ира, – они давно умерли. Наверное, Игорь не хотел продавать ее как память. Ему было даже приятно, что здесь живу я, потому что я знала его отца и мать.

– Понятно, – кивнул Громов. – А когда вы видели Игоря последний раз?

Ира задумалась, и Олег пришел ей на помощь:

– На похоронах вы виделись! Он со всей семьей приезжал!

Громов удивленно посмотрел на него и спросил:

– На каких еще похоронах? Где?

– На бабушкиных, конечно! – пояснил молодой человек. – На кладбище.

Тут у меня, признаться, побежал холодок по спине, вроде бы ничего такого мы не услышали, но какое-то предчувствие возникло у всех, не только у меня. Громов уставился на Олега

тяжелым взглядом, Строганов смотрел с любопытством, оторвавшись от разглядывания оконных запоров.

– Да, конечно, они с женой и дочкой приезжали на похороны бабушки, – заговорила Ира. – Просто я после смерти бабушки была в шоке, и как-то даже из памяти стерлось, кто там был и с кем...

– Вашу бабушку звали Устинья? – влез в разговор Арсений. Я изумился, откуда он знает имя бабушки, и Громов вопросительно посмотрел на него.

– Да, – кивнула Ира, – Устинья Филипповна. А откуда вы...

– Вдова Игоря мне сказала, – ответил Арсений и, обращаясь к нам с Громовым, добавил: – Точнее, нам сказала!

Меня не столько поразило, что Арсений запомнил имя Устиньи, сколько странное совпадение – похороны, про которые нам в один день рассказывают два незнакомых между собой человека, Елена и Ира. И еще: Игорь Ухтомский побывал на похоронах Устиньи, и не прошло десяти дней, как он был убит. Странно это!

Девушка сидела с безучастным выражением лица. Ни слез, ни истерик. Чего не скажешь об Олеге: глаза его бегали, он смотрел то на Громова и Иру, то на меня и Арсения, и явно чего-то боялся. Оказалось, что я был прав. Потому что Михалыч вдруг пристально посмотрел на него и спросил:

– Олег... Лимонов?

Пожалуй, больше самого Олега был поражен только Арсений. Видимо, его поразила внезапная осведомленность Михалыча. Он не понимал, как тот сумел угадать фамилию Олега. Он, Арсений, не сумел, а Громов догадался. Кстати, по реакции Олега можно было понять, что он действительно Лимонов.

– Значит, это ты Лимонов, – улыбаясь, кивнул Громов, – понятно! Как же я сразу не понял? Значит, это ты Игорю должен семьсот долларов?

Должник, продолжая лежать на полу, был готов провалиться сквозь старый паркет, но увы...

– Ты снова брал у Игоря деньги? – возмущенно обратилась к нему Ира. – Мы же договорились! Ты нарушил слово!

– Да я бы отдал! – стал оправдываться Олег. – Ненадолго! И для него это уж не такие большие...

– Я прошу прощения, – вклинился Строганов, – Михалыч, как ты узнал? Я не понял!

– Элементарно, Ватсон! – усмехнулся тот. – Просматривая ежедневник Игоря, я наткнулся на запись: «Олег Лимонов, 700 долларов». А здесь вдруг вспомнил... Кстати, убивали и за меньшие суммы!

Арсений на несколько секунд застыл, переваривая информацию, потом бросил Громову:

– Ну, я не читал его ежедневник! – и отошел в другой конец комнаты, словно никто его больше и не интересовал.

А я призадумался: действительно, для Игоря это была не слишком большая сумма, а для Олега? Вероятно, немалая! А нет Игоря – нет и долга! Поэтому, когда Громов, подозревая Арсения, стал вполголоса обсуждать, что делать с жильцами, я был с ним согласен. Нельзя их просто отпустить на все четыре стороны.

Я устало присел на ветхий стул, стоявший рядом, и закрыл глаза. Посижу хоть две минуты и отдохну! Арсений приглушенно что-то бубнил Громову, Олег убеждал в чем-то Ирину, у кого-то названивал сотовый телефон... Причем мелодия была очень знакомая...

– Доктор, ответь, это твой телефон! – услышал я голос Арсения и открыл глаза.

Точно, это мой телефон! Пока я доставал его из кармана, он перестал звонить, но тут же пришло СМС. Жена беспокоилась, жив ли я, ел что-нибудь и не пора ли ехать домой? И напоминала, что вчера я дежурил.

Я потер глаза, потряс головой и набрал ответную эсэмэску. А Арсений с Грозовым направились к выходу. Арсений на мгновение задержался и что-то сказал Олегу, который уже перебрался с пола на кресло. Грозов буркнул что-то вроде «до свидания» и потопал на лестницу.

Глава 5

Когда внутренние часы сбиваются, да еще и не высыпаешься, например, на дежурстве в реанимации, то понять, сколько времени в настоящий момент, практически невозможно. Вот и сейчас: было не больше восьми вечера, а мне казалось, что уже около полуночи! Мы стояли на улице у машины Громова.

– Зря я тебя послушался и оставил эту парочку на свободе, – ворчал Михалыч на Арсения.

– Вот увидишь, что я был прав, – пожимал тот плечами. – Ты закинь нас сейчас ко мне...

– Нас? – перебил я его. – Лично я домой собираюсь!

– Э-э, – развернулся ко мне Арсений, – ты мне только поможешь коробки до квартиры дотащить, и все, поедешь домой!

Вот так и получилось, что Громов высадил нас вместе с кучей коробок около дома Арсения и был таков.

– Поможешь? – спросил Арсений, обводя широким жестом кучу картонных коробок.

Лифт, разумеется, не работал, и нам пришлось сделать по две ходки каждому. А если учесть, что Арсений живет на шестом этаже очень старого дома, то сами представляете мое состояние...

Прихожая у Строганова в квартире большая, с окном во двор. Он стоял посреди прихожей, скрестив руки на груди, а я сидел на подоконнике, уставившись в это окно, за которым была сплошная тьма.

– У меня есть несколько бутербродов, – вдруг заговорил Арсений, – чай, кофе, коньяк, виски...

– Чего ты хочешь? – напрямую спросил я этого «дипломата».

– Чтобы ты восстановил свои силы, – ответил он.

– Это невозможно. Дальше!

– Дальше мы вернемся на квартиру к Игорю...

Я решил, что ослышался.

– Что?!

– Да-да! Мы перекусим, ты отдохнешь, и мы возвращаемся к...

– Нафига?! – потрясенно воскликнул я.

– А ты слышал, что сказала Ирина? Когда умерла ее бабушка, она была в шоке! Почему?

– О господи! Строганов! Когда умирают близкие люди...

– Вот именно! – не дал он мне договорить. – Когда умирают близкие, люди в печали! В горе! Но не в шоке! Уж кому как не тебе об этом знать! – язвительно добавил он. – А старенькая бабушка...

– Ну, может, ты и прав, но...

– Она не истеричка, что же ввергло ее в шок? Просто смерть? Да ничуть! Здесь есть какая-то тайна, и, возможно, она связана с убийством Игоря или еще черт знает с чем.

– А почему ты уговорил Громова уехать и не брать в расчет этих «друзей»?

– Чтобы он не путался под ногами, – несколько цинично ответил Арсений.

– А что, если они связаны с убийством? – настаивал я. – Или, еще того хуже, причастны к убийству?

– Ну и что? – непонимающе посмотрел он на меня.

– Как что?! Да они сейчас ноги в руки и бежать! Может, уже из города уехали! Тебя это не волнует? И как ты потом это объяснишь Громову?

– Ничего тут страшного нет, – спокойно ответил Арсений. – Если они, как ты говоришь, ноги в руки и бежать, то тем самым только подтвердят свою вину. И найти их – дело времени.

Они известны, мы их видели, полиция их разыщет в пять-семь дней. А если они невиновны, то будут сидеть и ждать нас...

– Это еще почему? – недоверчиво поинтересовался я.

– Потому что я пообещал им решить проблему долга! И этот Олег будет сидеть и ждать меня, сколько нужно. Ради семисот баксов.

– А как ты решишь проблему с долгом?

– Да как-нибудь... – и он отмахнулся от меня и от чужих долгов. А я почувствовал уколы совести, ведь человек, пусть и не слишком хороший, но все равно ведь будет надеяться!

Меня одолевал сон, а Арсений сию секунду готов был бежать на улицу, словно охотничий пес в лес. Поистине, человек – изумительно суетное и абсолютно непонятное существо!

Холодный осенний ветер вновь задул, причем со всех сторон одновременно. И пока мы с Арсением шли на старую квартиру убитого, выдул из меня весь сон. Снова та же парадная, та же полутемная лестница. Но на этот раз нам открыли дверь на наш стук.

Мы сидели в гостиной – Ира, ее возлюбленный Олег и мы с Арсением. Ира пошла на кухню варить кофе, и Олег тут же заговорил:

– Насчет долга... Вы обещали...

– Конечно, – кивнул Арсений, внимательно глядя на него, – я решу этот вопрос. И никаких долгов не будет.

– Это точно? – недоверчиво уточнил Олег.

– Сто процентов! – с самым серьезным видом ответил Арсений. – Долг спишем, никому ничего не скажем.

– Спасибо! – проникновенно произнес должник.

Вернулась Ирина, и Арсений, поблагодарив за кофе, задал ей вопрос, который так мучил его:

– Вы сказали, что после смерти бабушки вы были в шоке. Да? А почему?

– Из-за того, как бабушка умерла. Как ее убили...

– Убили?! – невольно вырвалось у меня.

– Да, – кивнула Ира, – это было жутко! Я стараюсь не думать об этом, но не всегда получается. И забыть никогда не смогу. Да и незачем! Один мой приятель, доктор, предложил мне стереть эти воспоминания гипнозом, но я отказалась...

– Ну и зря! – вставил Олег.

– Вы, вероятно, уже много раз все это рассказывали, может быть, расскажете еще раз? Можете плакать, если захотите... Кстати, может, коньяка в кофе?

– Нет, спасибо, – помотала головой Ира, – я не так уж и много кому рассказывала...

– А в полиции?

– В полиции меня почти ни о чем не спрашивали.

– Странно! – удивился он.

– В полиции меня больше допрашивали, – усмехнулся Олег.

– Почему вас?

– Ну, подозревали, что это я старушку грохнул! Тетка ее наговорила, – кивнул он на Ирину, которая молча согласилась с ним.

А я перестал что-либо понимать: чья тетка, при чем тут бабушка – словом, какой обед на болоте?

– А у вас снова алиби? – безмятежно спросил Арсений.

– Ну да, больничка выручила, – усмехнулся Олег. – Нет худа без добра!

– А тетка, почему она решила, что это вы убийца?

– Потому что она меня терпеть не может, ну и Олега, соответственно, – пояснила Ира. – Думаю, что тетя Валя была бы счастлива, если бы нас с Олегом заподозрили в убийстве бабушки и посадили бы в тюрьму...

– Насчет убийства, – напомнил Арсений. – Вы сказали, что были в шоке. Вы что, обнаружили труп?

– Да, это я нашла бабушку! – закивала головой Ира, и глаза ее наполнились слезами.

– Расскажите, пожалуйста, – негромко попросил Арсений.

Она снова закивала. Потом собралась с силами и заговорила:

– Я в этот день случайно зашла. Проезжала мимо, позвонила на сотовый, а бабушка не ответила. Я выскочила из маршрутки и еще раз набрала ее. Бабушка трубку не брала. Тогда я забеспокоилась – все-таки старенькая уже – и поднялась к ней...

– Дверь была закрыта?

– Да, но там замок, который можно захлопнуть. А вторую дверь она никогда не закрывала.

– А ваша бабушка могла кому-нибудь незнакомому открыть дверь?

– К сожалению, да, – кивнула Ира. – Я ее ругала, но она могла. Ей скажут, что электрик или почта, и она верила...

– Войдя в квартиру, что первое вы увидели? – деловито спросил Арсений.

– Первое? – переспросила она. – Не знаю. Вещи какие-то валялись в прихожей. Я закричала: «Бабушка!» Думала, что сейчас услышу или ее голос, или хотя бы стоны. Почему-то решила, что у нее случился инсульт и она лежит на полу и стонет. Но в следующую секунду я вбежала в комнату и среди полного хаоса увидела ее... Она сидела на стуле... глаза открыты... черные... Я видела покойников, даже видела, как умирают! Моя подруга у меня на руках от передозы умерла! Но тут все было по-другому, тут был просто ужас! Но вначале я увидела на полу ее шаль. Она, понимаете, яркая, красная, и мне показалось, что это кровь. Большая такая лужа крови. Я застыла, не могла пошевелиться... Кровь на полу была красная, а бабушка, ее лицо – синее, почти фиолетовое, и чернющие глаза!

– А на самом деле кровопотеря была? – невозмутимо поинтересовался Арсений. Но Ира не ответила.

– Извините... – Она встала и вышла из комнаты. Олег тоже поднялся и пошел за ней.

Мы с Арсением остались вдвоем. Он сидел на стуле и с риском для жизни раскачивался на двух ножках. Что-то, очевидно, обдумывая. Я попытался заговорить с ним, но он меня даже не услышал.

Тут вернулись Ира с приятелем. Она снова извинилась и хотела что-то сказать, но Арсений перебил девушку:

– А как ее убили?

Ирина помолчала, потом все-таки ответила:

– Ее привязали к стулу и ударили ножом в сердце. Мне так сказал судмедэксперт, который... ну, он производил...

– Понятно, – вставил я, чтобы дать ей возможность не произносить отвратительного слова «вскрытие».

– А чем она была привязана? – воспользовавшись заминкой, поинтересовался Арсений.

– Скотч. Ее связали скотчем. А рядом валялись ее очки! Их раздавили! Это были ее любимые очки, она очень переживала, когда теряла их в квартире...

– На скотче должны были остаться отпечатки пальцев! Не знаете, были?

– Нет, нам никто ничего не говорил.

– Скотч принесли с собой или он был в квартире?

– Наверное, принесли, потому что у нее такого не было... Черный, очень прочный... – сцепив руки, негромко ответила Ира.

– Слушайте, – вдруг возмущенно проговорил Олег, – может, хватит? Зачем все эти подробности? Это же...

– А можете рассказать про свою бабушку? – попросил Арсений, пропустив его выпад мимо ушей. – Как часто вы у нее бывали, чем она занималась? Ей же было много лет?

– Да, – кивнула Ира. – Бабушке было 92 года. И при этом она прекрасно соображала, только забывала, куда что положила! И до последнего дня интересовалась моими акварелями! Я к ней заезжала за два дня до... – Голос ее задрожал, но она быстро взяла себя в руки. – До смерти. И показала три новые работы. Понимаете? Она не была безумной старухой в маразме, как ее тетя Валя пытается представить! Да, ей не слишком нравилось, что я, по ее мнению, не работала! Рисование, так она это называла, не в счет! Но она видела практически все мои работы! Бывает, что критиковала, но всегда по делу!

– Вы часто приезжали к ней?

– Два-три раза в неделю. Привозила продукты, лекарства...

– А когда вы видели ее живой последний раз?

– Я уже говорила, за два дня до смерти.

– Это был обычный визит, как всегда?

– Да, самый обыкновенный, – подтвердила Ира. – Принесла поесть, собрала мусор, прибралась, потом мои новые акварели обсудили. Потом... Потом она в очередной раз высказала свое мнение об Олеге...

– Она сначала меня обожала, а потом почему-то озлобилась, – встрял молодой человек.

– Словом, самый обычный визит, – продолжила Ира. – Моя тетка, ее вторая дочь, Валя, очень из-за квартиры переживала! Ждала, когда можно будет квартиру забрать, а бабушка возьми да и напиши завещание, что квартира отходит мне после ее смерти. Я ее убеждала так не делать, но она вбила себе в голову, что так будет лучше! Ну, и понеслось! Мы на эту квартиру и не претендовали, нам и здесь хорошо! Да это все не важно, убийство бабушки никак не связано ни с какой квартирой...

– Почему вы так уверены?

– Как почему? Это было просто ограбление, скорее всего, наркоманами. Так мне сказали в полиции...

– И никого не нашли...

– Никого, – подтвердила девушка.

– А сколько их было? Грабителей?

– Не знаю, – удивленно ответила Ира. – Никто их и не видел...

– А с чего вы решили, что их было несколько?

– Я не знаю, мне казалось, что грабят всегда группой... Разве нет?

– А что украли? – поинтересовался я.

– Да ничего такого. Что можно украсть у пенсионерки? Кстати, денег как раз и не нашли! Бабушка скопила приличную сумму, около 50 тысяч, деньги так и остались лежать в тайнике! А украли всякую ерунду – мою старую дубленку, украшения, но они все недорогие! Видимо, хватали все, что попадалось под руку...

– А во сколько ее убили? – Арсений хмуро барабанил пальцами по столу.

– Около полудня. Незадолго до моего прихода...

– Какое это было число?

– 20 октября, – тихо ответила Ира.

У меня мелькнула мысль, и я посмотрел на приятеля Иры:

– А вы что, все в больнице лежали?

– Почему все? – удивился он и совершенно спокойно ответил: – Я два курса лечения проходил. Ну, должен был пройти. Числа 22-го закончился первый курс. А потом второй, с конца октября...

– Понятно, – кивнул я, раздумывая, лжет он или нет.

– А нож был в теле? – Арсений перескакивал с темы на тему, словно мячик в пинг-понге.

– Да. Это был...

– Нож взяли в квартире?

- Да, я и говорю, это был бабушкин нож...
- А где был тайник?
- В старом буфете, там двойное дно в ящике. Оно...
- Было одно ранение?
- Да, прямо в сердце. Судмедэксперт сказал...
- Ноутбуки, сотовые телефоны, какая-нибудь техника у бабушки была?
- Нет. Кстати, телефон ее разбили.
- Вот как? – удивился Арсений. – А где он? Сейчас, я имею в виду.
- Выкинули, – теперь удивилась Ира.
- Какой фирмы телефон?
- Старенькая «Нокия». Бабушке не понравился телефон, который...
- Сколько комнат в квартире?
- Две. В одной бабушка жила, в другой когда-то я... – безучастно ответила Ира.
- А где жила бабушка? Я имею в виду адрес?
- Озеро Долгое, улица Камышовая, дом...

Я заметил, что у Арсения звонил телефон, давно и безответно, и жестом обратил на это его внимание. Он долго смотрел на экран, потом сбросил вызов и снова обратился к Ире:

- А мы сможем вместе с вами посмотреть ее квартиру? А еще лучше бы без вас.
- Да, пожалуйста... – пожала она плечами.
- Не получится, – хмуро перебил ее Олег. – У тебя ключей нет!

– Да, я и забыла! Моя дорогая тетя Валя сменила замки и сказала, что не подпустит меня и близко к квартире!

- А можно мне телефон вашей дорогой тети? Я ей сам позвоню, – попросил Арсений.
- Пожалуйста! А зачем вам это? Вы думаете, что бабушку убили те, кто убил Игоря?
- Да при чем тут Игорь? – возразил Олег. – Мне кажется, что здесь совсем никакой связи нет! Или есть? – обратился он к нам.

Я пожал плечами, а Арсений глубокомысленно изрек:

– Запутанная история! – Он поджал губы, покивал головой и добавил: – И запишите мне, пожалуйста, телефон тети и адрес бабушки!

Глава 6

Пока мы спускались полутемными крутыми лестницами, Арсений извлек из внутреннего кармана пачку денег, состоящую из пятидесяти купюр, и, разделив на две части, одну из них передал мне.

– Вытряс из Громова! Держи!

Я, слегка потрясенный суммой, припрятал деньги в свой внутренний карман.

«А карманам, как известно, денежки нужны!» – пронеслась строчка у меня в голове.

По одной из кривых улочек мы вышли на Кронверкский проспект. Здесь попадались редкие прохожие, машины рваным потоком рассекали лужи, а темноту – светом фар.

– Давай я тебе такси вызову! – неожиданно предложил мне Арсений.

– Давай, – с удовольствием согласился я, немного удивившись его заботе.

– Только полчаса придется подождать, пока машина подойдет. Может, чтобы не мерзнуть, зайдем куда-нибудь? – заботливым тоном продолжил он.

Ага! Теперь понятно, чего он вдруг такую заботу проявляет, – ему еще поговорить охота! Мы снова свернули на одну из улиц, отходящих от Кронверкского, и Арсений ринулся в ближайший ресторанчик. Кажется, это был ресторан грузинской кухни. Я покорно поплелся за ним. Ужасно хотелось домой, но ответственность, да и деньги в кармане мешали развернуться и уйти!

Не успели мы войти в помещение, как наткнулись на рослого мужчину в темных брюках и белой рубашке с расстегнутым воротом. И если бы он не перегородил собой вход, уперев руки в бока и мрачно взирая на нас, то выглядел бы совсем по-домашнему.

– Добрый вечер! – произнес он с легким акцентом. Но с места не сдвинулся.

Арсений обернулся, видимо, прочитать, куда мы зашли, потом взглянул на мужчину (не похож он на швейцара!) и неожиданно проговорил:

– Гамарджоба! – и далее в таком же духе.

У меня глаза расширились от удивления, потому что, услышав эту тарабарщину, мужчина спокойно кивнул, махнул рукой в сторону полутемного зала и, что-то громко крикнув, удалился. Арсений уверенно зашагал к столику у окна и уселся на мягкий диван. Я засеменил за ним. Что-что, а скучать с Арсением не приходится!

В зале почти никого не было, только за одним из столиков сидели несколько человек, к которым подсел мужчина, встретивший нас у входа. Через минуту к нам подошла девушка (видимо, официантка), необыкновенно красивая, только очень серьезная, чуть ли не мрачная. Если бы я писал портрет грузинской княгини, то рисовал бы именно ее. Она протянула мне меню, и я, открыв его, уставился в незнакомые буквы.

– Это на грузинском, – пояснил Арсений.

– Ну, спасибо! – криво улыбнулся я. – Ты у нас полиглот! Чего тут можно взять?

Арсений захлопнул свою папку, взял из рук мою и, широким жестом отдав их девушке, произнес несколько слов, состоящих из одних согласных букв. Что-то типа, гтховт, гэтаква и так далее. Однако девушка поняла его, кивнула, сказала что-то вроде «диах» и величественно удалилась.

Я мимикой изобразил удивление, восхищение и вопрос одновременно. Арсений довольно хмыкнул:

– Я знаю по-грузински несколько фраз. И умею считать до двадцати.

– А откуда ты знаешь...

– Я же говорю, – перебил он меня, – я знаю всего несколько слов, точнее фраз, причем на двенадцати языках.

– А что ты им...

– С мужиком поздоровался и спросил, можно ли нам поесть. А девушке сказал, что мы хотим есть все, что она принесет.

Довольный произведенным эффектом, Арсений достал телефон и стал вызывать мне такси. А я так и остался сидеть с открытым ртом.

– Давай подытожим сегодняшний день, – предложил он. – Доктор, очнись! Я тебе вызвал машину, а мы еще перекусить должны успеть. Итак, убит молодой мужчина. Убийство запланированное, не спонтанное и, что важно, с какой-то неясной нам целью. Его связали скотчем и убили ножом. Незадолго до своей смерти он побывал на похоронах пожилой женщины, которую тоже убили...

– Да, – не удержался я, – причем так же ножом и так же связали скотчем, кажется, черным...

– Черным, – кивнул Арсений, – и оба раза убийца или убийцы принесли скотч с собой. Вопросы?

– Связаны ли эти убийства между собой и... – начал я.

– И убил ли их один и тот же человек, – закончил Арсений, перехватывая инициативу. – Да, мое предположение, что убийства связаны, и связующее звено – человек или люди, которые их убили!

– А как...

– Например, Ухтомский встречается своего старого знакомого на похоронах Устины, разговаривает с ним, затем получает от него письмо, где тот с ним договаривается о встрече. В этом письме нечто такое важное, что Ухтомский соглашается приехать на встречу, назначенную на обочине дороги в районе Лахты – Ольгино! Пересаживается в машину к убийце...

– А с чего ты взял, что он встретил знакомого на похоронах... – попытался возразить я.

– Ухтомский – деловой человек с определенным кругом деловых знакомств. Логично, что старого знакомого он мог встретить только случайно, например, на похоронах.

– Но письмо же не найдено? – перебил я его.

– Во-первых, найдено, – гордо ответил Арсений и извлек из кармана сложенный лист бумаги.

– Откуда? – изумился я, выхватывая из его рук письмо. Увы, это оказался просто сложенный лист, чистый, как снег в горах.

– Стащил, когда забрел в кабинет покойного, – усмехнулся Арсений и забрал у меня пустой лист. – Но сейчас это не важно.

– Конечно, не важно, – проворчал я, решив, что это просто розыгрыш. – Важно...

– Важно то, что убили его не случайно, это раз, и то, что от него хотели получить какую-то информацию, это два.

– С чего ты это взял? – уточнил я.

– С того, что его тыкали ножом, чтобы ему было больно, но он не умер бы, то есть пытали, – ответил Строганов.

– Это три, – согласился я. – А старушка? Ее ведь тоже привязывали.

– Именно! – энергично закивал Арсений. – Из нее тоже извлекали какие-то сведения. Кстати, и она, и он знали убийцу! Или убийц.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что их убили! Мертвые молчат. Ты, конечно, можешь сказать, что это совпадения. Но наше везение говорит о том, что мы на правильном пути! Связь между находками...

Договорить Арсений не успел, так как нам принесли еду. Пахло пряным, острым и вкусным. И было много зелени...

Только развалившись на заднем сиденье такси, я понял, что день, наконец-то, подходит к концу! И что я жутко устал. Словно после двух суточных дежурств подряд. Арсений отправился к себе домой изучать факты, которые в коробках покоились на полу. А у меня не было

сил даже зайти «ВКонтакте», чтобы оповестить друзей и подписчиков о событиях этого дня. Перед глазами вертелся калейдоскоп из лиц: там было лицо Игоря Ухтомского, человека, которого я никогда не видел и никогда не увижу, но в то же время мне казалось, что я уже очень давно знаком с ним и с его семьей, художница Ира, ее непутевый друг Олег... Интересно, он наркоман или алкоголик? В любом случае он человек без будущего. И у нее, если она не уйдет от него, тоже ничего хорошего не предвидится. Старая женщина с черными от ужаса глазами и ножом в сердце... Какая бы ни была ее жизнь, смерть у нее оказалась не самая лучшая. Елена с Грозовым... Серж с безликим охранником элитного дома. И Арсений, который ходил из угла в угол, размахивая руками...

Машина остановилась, и я проснулся, посмотрел на окна своей квартиры. На кухне горел свет. Жена подошла к окну, услышав звук подъехавшей машины, и, скорее угадав, чем увидев меня, помахала рукой.

Глава 7

Есть люди, которые могут мало спать или, рано проснувшись, чувствуют себя бодрыми и готовыми к свершениям. Я, увы, не отношусь к ним. Но, вспомнив о том, что сегодня мой выходной день, я решил начать его с подвига. Поэтому, услышав, что жена будит детей в школу, встал и, шурясь от яркого электрического света, пошел варить кофе.

Шерлок Холмс взбадривал себя, например, кокаином. Что использовал Арсений, я не знаю, но уже в восемь утра он мне позвонил.

– Привет! У тебя есть приличный костюм? Ну, типа, в котором женятся?

– Неужели? – отреагировал я. – Ты все-таки собрался жениться?

– С чего ты взял? – Его удивление было искренним. – А-а, понял. Нет, конечно! Это костюм для тебя. Пиджак, галстук, брюки и ботинки какие-нибудь, главное, начищенные!

– Строганов, восемь утра! – покачал я головой, выслушав этот бред. – Что ты задумал? Какие ботинки?

– Ты слышал какие, – ответил он раздраженно. – Я сейчас организую машину и заеду за тобой в течение часа. Будь готов. И еще, рубашка должна быть белая и глаженная!

– А... – начал было я.

– Мы из следственного комитета. – коротко пояснил он. – Нет, лучше из прокуратуры. Так понятнее! Все, до встречи!

Я облачился в старый костюм, все еще недоумевая, что задумал этот сыщик, когда в наш тихий дворик заехал «УАЗ-Патриот» черного цвета и посигналил. Затем из водительского окна появилась голова Арсения:

– Доктор! Давай быстрее! Она на работу уходит!

Не пытаясь понять, кто уходит и куда мы едем, я побежал по лестнице вниз, на ходу влезая в рукава плаща. Пиджак здорово стеснял движения. Я зацепился часами за рукав и заодно посмотрел, сколько времени. Восемь сорок. Через окно на лестнице было видно, что начало светать, дождя нет, но пасмурно. Тяжелые свинцовые тучи нависли над Каменным островом, и Нева вышла из берегов.

Строганов критически осмотрел меня, попросил снять часы, швейцарские, подарок от мамы, и взамен дал другие – здоровенный «будильник» с какими-то немыслимыми наворотами.

– Давай-давай! – скомандовал он. – Ты будешь фээсбэшником.

– Ты же говорил, из прокуратуры? – напомнил я ему.

– Какая разница? – пожал он плечами. – Давай, а то опоздаем.

Взревел мотор, и я даже не успел помахать своим – жена и дети с интересом наблюдали за нами в окно, – как мы рванули.

Арсений пытался объехать пробки, что, по-моему, в это время невозможно.

– А откуда ты машину...

– Я созвонился с теткой, – отрывисто рассказывал он, – еле-еле уговорил! Сказал, мы из органов. Внутренних. Та еще кикимора! Она мне – я, мол, на работу! А я ей – повестку хотите? А на работу мы вас подвезем! А она – не надо меня подвозить, я, слава богу, на троллейбусе нормально доеду! Словом, еле уговорил. Хорошо еще, не ляпнул, что телефон мне Ира дала. Тогда бы точно не стала с нами встречаться!

Старые облезлые девятиэтажки окружали огромный двор. Детская площадка, скамейки, на которых вечерами собираются местные любители выпить. Редкие кусты. Изъезженные газоны. Лужи. Помойка. Трансформаторная будка с граффити. И серое небо.

Поскольку многие уезжали на работу, место для парковки нашлось легко.

Тетушка Ирины, которую звали Валентина Тимофеевна, жила вместе с мужем в одном из домов этого спального района. Муж ее был худой, со слегка трясущимися руками и блуждающим взглядом. Но в первую очередь обращали на себя внимание ноги, закованные в гипс, оценив длину которого я сделал вывод, что переломаны у него голеностопы. «Сломал по пьянке, а я с ним мучаюсь месяц!» – пояснила жена и больше к проблеме мужа не возвращалась. В отличие от него она была полной, невысокой, с узкими подозрительными глазками и всякий раз начинала разговор со слов «нет, ну...».

– Нет, ну надо же? Она, эта зараза со своим хахелем, жила отдельно! Приедет раз в неделю, бананов каких-то притащит, а должна была ноги ее целовать, поскольку Старая ей квартиру решила оставить! Я ей говорю, ты моим оставь, они за тобой и ухаживать будут, и помогут, если что. А она вбила себе в голову – Ирочка то, Ирочка се! А Ирочке плевать на нее! Прости господи! Художница выискалась! Нет, ну я не права, что ли? А ейный хахель – он наркоман. Со своими дружками и убил Старую. Убил и ограбил. А теперь въедут в ее двушку, и все, поминай как звали! Я им так и сказала! А им что – ссы в глаза, все божья роса! А Старую-то жалко! Как убили, сволочи!

Мы со Строгановым сидели на каком-то диване в неярко освещенной гостиной с темными обоями и низким потолком и изображали из себя представителей прокуратуры и ФСБ. Арсений был одет в казенного вида пиджак, немыслимые брюки, черный галстук (кажется, на резинке) и сверкающие ботинки. Он в самом начале разговора предъявил красную книжицу, с гербами, печатями и прочей атрибутикой фальшивого документа. Меня он тоже снабдил почти настоящим удостоверением, которое я с удовольствием продемонстрировал хозяйке квартиры. Еще на лестнице я поинтересовался у Арсения, могут ли нас привлечь по статье за фальшивые ксивы? Но он заверил меня, что нет, поскольку в них мелким шрифтом указано, что удостоверения ненастоящие. Да и печати, я присмотрелся, изображали двухголовых попугаев вместо орлов.

– Спасибо большое за сотрудничество! – внушительно проговорил Строганов. – Полковник Васин (кивнул он на меня) раскроет это подлое убийство! Мы выведем их на чистую воду! Этих наркоманов-художников! Эту богему! Слово майора! Правда восторжествует! Квартиру не отдадим убийцам! – И все в таком духе.

Одним словом, мы сумели получить ключи и разрешение осмотреть квартиру. А тетка наврала – ни на какую работу ей и не нужно было идти!

Поскольку покойная Устинья Филипповна жила неподалеку от своей дочери, Валентины Тимофеевны, мы решили, что можно прогуляться и без машины. Точно такой же дом, такой же двор и даже помойка была типовая. Кстати, у помойки разыгралась любопытная сценка. Двое потрепанного вида мужиков с рюкзаками копались в помойном баке: извлекали что-то, рассматривали, затем кидали обратно. Вдруг на них налетел такой же, неопределенного вида и возраста, мужчина и, изрыгая проклятия, стал их прогонять от «своей» помойки. Я думал, что сейчас мы будем наблюдать кровавое побоище, – противников-то двое, да и выглядят они помощнее. Но нет, нарушители границ чужих территорий быстро ретировались, и победитель остался один. Арсений уверенным шагом направился к помойке.

– Твое хозяйство, Вова? – деловито поинтересовался он у мужика и обвел рукой помойку.

– Ну, – хмуро подтвердил тот. Вероятно, его действительно звали Владимир, поскольку он не стал спорить и поправлять Арсения. – Повадились, гады! Днем и ночью шарятся!

– Ну, тогда, чтобы не отнимать твоего драгоценного времени, делаю тебе одно выгодное предложение. Согласен? – Арсений полез в карман, извлек пятисотрублевую купюру и помахал ею перед глазами Вовы.

Тот облизал сухие губы и кивнул. Купюра перекочевала к нему. Арсений достал вторую купюру и снова помахал ею в воздухе. Вова стоял по стойке «смирно» и ждал продолжения.

– Недавно в этом доме старушку грохнули, слышал?

– Да не я это, – тут же заныл Вова, – ни при чем я...

– Я не спрашиваю, ты или нет, я и так знаю, что не ты! – перебил его Арсений. – Мне другое нужно. Когда ее убили, в помойку никто не выбрасывал женскую дубленку и украшения?

– Не знаю я, не видел я никаких... – заворчал Вова, но неожиданно замолчал, поскольку вместо денег у Арсения в руке уже был пистолет. И не травматика какая-то, а самый настоящий, черный, матовый, кажется, «глок». Где он его прятал?

Арсений киношным жестом приложил его ко лбу Вовы и медленно заговорил:

– Меня шмотки и цацки не интересуют! Понял? (Вова закивал головой.) Тебе деньги нужны? (Снова кивок.) Тогда слушай сюда! Ты нам сейчас говоришь, кто выбросил дубленку с кольцами, а мы тебе – деньги. Или пулю в башку! Усек, Вовчик?

Я стал оглядываться по сторонам: редкие прохожие уже обратили на нас внимание, те, кто был поближе, старались пройти мимо, не поднимая глаз, а те, кто был далеко, с интересом наблюдали за нами. Я делано улыбнулся и помахал особо интересующимся рукой, мол, все в порядке!

– Не надо пулю, – прохрипел Вова. – Мужик какой-то был, пришел, скинул и...

– Ты его видел?

– Со спины, он в капюшоне был...

– А он тебя видел?

– Не, я за углом стоял.

– Приметы? Что-нибудь ты смог разглядеть?

– А чего глядеть-то, *обыкновенный почтальон*...

– Что?! – в один голос вскрикнули мы с Арсением.

– Ну, куртка у него была «Почта России», хорошая, кстати, теплая...

– И сумка на ремне? – то ли серьезно, то ли пошутил Строганов.

– Не, – помотал головой наш свидетель. – Только книжка у него красная была под мышкой, он ее еще чуть не уронил, когда дубленку выкидывал.

– Что за книжка? Толстая? – удивился Арсений.

– Да хер его знает, – уже более спокойно ответил Вова. – Журнал или книжка. Обложка красная...

Арсений стал расспрашивать его подробности, а у меня в этот момент зазвонил телефон. Это был Громов, который интересовался, где нас носит.

– Свидетеля допрашиваем, товарищ генерал, – ответил я ему, раздумывая, рассказать про почтальона или промолчать. – Майор Пронин ведет допрос.

– Вы что, пили, что ли? – после небольшой паузы спросил он. – Короче, Шарапов не может дозвониться до Строганова, скажи, чтоб он телефон включил! Все!

Я передал его слова Арсению.

– Телефон? – переспросил он меня, словно не знал, что это такое. – Телефон... Слушай, а это не могла быть телефонная книга? – обратился он к Вове.

– Во, похожа, – кивнул тот, – раньше такие были!

– Отлично! – искренне обрадовался Арсений. – А ты никому про это не говорил?

– Че я, дурак, что ли? Менты меня сразу стали трясти, так я в отказку! Чтоб мокруху повесили? Нашли терпилу!

Арсений задумчиво развернулся, убрал пистолет и не спеша двинулся к подъезду.

– Эй! – окликнул его Вова. – А барабульки? Обещал ведь!

– Доктор, – бросил мне Арсений, – э-э, то есть полковник! Выдай ему, пожалуйста, деньги!

Я усмехнулся, выдал нашему информатору пятьсот рублей и зашел в подъезд вслед за ним.

Мы поднимались по лестнице, так как маленький лифт послужил кому-то туалетом и в него было не войти.

– Э-э, а как ты узнал, что его Вова зовут? – спросил я у Арсения, бодро преодолевавшего ступеньки.

– Да это ерунда, – отмахнулся он, дожидаясь меня на площадке. – Ты оцени наше везение! Раз – и нашли доказательства!

– Уф! – еле отдышался я. – Доказательства чего?

– Кстати, – крикнул он мне уже со следующей площадки, – знаешь, почему аэродром и проспект называются Комендантскими?

Я сбавил темп и с третьего до пятого этажа шел уже не спеша. Знаю! Дача коменданта тут была! Коменданта Петропавловской крепости. Тоже мне краевед!

Дверь в квартиру хоть и была железной, но из недорогих. И замки самые обычные. Видно было, что их недавно сменили. Арсений стал подбирать ключи и наконец, сделав широкий жест, посмотрел на меня:

– Прошу!

Квартира была самая обыкновенная: пара комнат, кухонька, узкий туалет, ванная, прихожая; низкие потолки, линолеум на полу, местами изрядно потертый. Мебель, румынская стенка, была старше Арсения, а вот старинный буфет конца девятнадцатого века был старше и меня, и стенки! Видимо, это в нем был тайник, где хранились сбережения Устиньи. Хотя здесь прибрались после убийства, но беспорядок все равно ощущался. Кое-где остались разбросанные вещи, какие-то бумаги были сложены неровными стопками на старой кровати, стулья неважно были составлены друг на друга в углу комнаты. Отдельно стоял старый тяжелый стул, к которому, видимо, ее привязали и убили. Я представил себе эту жуткую картину и, тяжело вздохнув, произнес:

– Знаешь, говорят, что смерть человека должна быть такая же, как и его жизнь! Если это действительно так, то я не хотел бы быть на месте этой несчастной!

– Прекрасно... – кивнул Арсений и переспросил: – Что ты сказал?

– А что мы ищем? – вопросом на вопрос ответил я.

– Мы ищем, – повторил за мной Арсений, – мы ищем...

Он подошел к стене, на которой висела старая фотография в рамке, снял ее, повертел в руках и передал мне. Я взял ее, начал с интересом рассматривать. На фотографии была запечатлена молодая Устинья с мужем на крылечке какого-то дома, а на обороте снимка я увидел подпись: «Лахта, 1960 год, Тимофей и Устинья Комиссаровы»! Снова Лахта!

– Мы делим квартиру на секторы, – вернул меня к действительности голос Арсения. – Я беру комнаты и кухню, а ты достаешь все вещи с тех антресолей, – ткнул он указательным пальцем в сторону прихожей.

Мне показалось, что дележ был неравноценным, но я воздержался от комментариев.

– Значит, ты ищешь все, что можно привязать к... – он задумался. – Связь следующая: Ухтомский, точнее Ухтомские, Лахта. Полный вперед! – И понесся во вторую комнату.

Не успел я поставить небольшую стремянку и влезть на нее, как он прибежал со словами:

– Извини, не ответил! Татуировка! На левой руке: «Вова»! – И снова убежал.

Голова – дело темное и исследованию не подлежит! Особенно у Арсения.

Глава 8

Я склонился над грудой бумаг, газет, пакетов, мешков, коробок, коробочек, тряпок, старых часов, скорее всего сломанных, и задумался: как это все помещалось на антресолях? И еще: сколько есть в мире вещей, без которых можно жить! И, как показывает практика, умереть! Параллельно с разбором я размышлял о выброшенной дубленке и украшениях. И о том, как это могло прийти в голову Арсению. Почему он вдруг решил допросить этого Вову? Почему спросил про выброшенные вещи? Значит, ожидал, что это не просто ограбление, а убийство, которое маскировали под грабеж. И что такого ценного могло быть в телефонной книге, которую убийца похитил у старушки? И самое главное – снова этот поселок! Где, видимо, бывали или жили супруги Комиссаровы, Устинья и Тимофей. И где был обнаружен, а может быть, и убит Игорь Ухтомский, который незадолго до своей смерти был на похоронах у Устиньи! Действительно запутанная история!

«Вещи, они тоже живые. Надо только уметь разбудить в них душу, – думал я, разбирая старые открытки: поздравления, пожелания, 8 Марта, 7 Ноября, 1 Мая, Новый год и прочее... – Меняются не вещи, меняемся мы». И вдруг вздрогнул – из комнаты, где находился Арсений, раздался жуткий грохот. Я, с открытками в руках, понесся к нему, ожидая увидеть по меньшей мере землетрясение! И оказался близок к истине: среди немыслимого бардака, который он устроил во время поисков, на полу лежал массивный трехстворчатый шкаф! Арсений уронил шкаф!

– Все нормально, – упредил он мой вопрос, – я случайно.

– Как можно уронить шкаф?! Случайно?!

– Мне нужно было посмотреть стену за шкафом, я попытался его отодвинуть, и ножка подломилась. Старье, – пожаловался он.

– Стену? – покачал я головой. – И что стена?

– Капитальная, – ответил он. – А что ты нарыл?

Он взял у меня из рук пачку открыток, с которыми я вбежал в комнату, и, перебирая их, вдруг радостно воскликнул:

– Доктор! Ты прирожденный детектив! Эврика! Нашел! Ты уже все просмотрел?

– Нет, – озадаченно ответил я.

Арсений стал внимательно читать открытки.

– Какая удача, что раньше на письмах ставили и адрес, и дату! Попробуй по эсэмэске или по мейлу понять, где живет адресат? – Он передал мне обратно пачку открыток и добавил: – Давай досматривай и будем обсуждать!

Я вернулся в прихожую. Действительно, все открытки были написаны Устинье Филипповне, которая жила не где-нибудь, а в Лахте! В Гартнеровском переулке, в доме номер 3. Судя по тому, что номера квартиры не стояло, это был частный дом. Проживала она там и в 1960 году, когда фотографировалась с мужем, и в семидесятых...

Последнее, что осталось просмотреть, была толстая старая тетрадь в клеенчатой обложке. Я начал листать этот гротеск и понял, что это было что-то вроде финансовой ведомости, начинавшая с шестидесятых и заканчивавшая восьмидесятыми годами. У меня появилось отчетливое предчувствие: эта тетрадь содержит полезную информацию! Так иногда бывает, когда смотришь пациента, – он еще не начал рассказывать, а ты уже подозреваешь, чем он болен. Никакой мистики, просто опыт.

Устинья вела записи: кто, когда и за сколько снимал у нее комнаты на лето. Мечта налогового инспектора! Прекрасная привычка – все записывать! И вот – то, что мы искали: 1968 год, Ухтомские, снимают дачу на все лето! Вот теперь – эврика!

– Арсений! – заорал я. – Нашел!

Он тут же появился рядом со мной. Я ткнул пальцем в фамилию Ухтомские, он мельком взглянул, а затем стал листать всю тетрадь, приговаривая:

– Да, отлично, доктор, отлично!

– Так ты уже пролистнул! – удивился я. – Ухтомские раньше были!

– Нет, – неожиданно покачал он головой, – Ухтомские меня особенно и не интересуют. То, что они были знакомы и жили у Устины, мы бы и так догадались. Гораздо интереснее – остальные съемщики! Классная бабка была, – ни к селу ни к городу добавил он.

Убираться в квартире пришлось мне одному. Арсений достал телефон, обнаружил, что пропущенных вызовов около двадцати, и стал названивать. Правда, не тем, кто звонил ему.

– Валентина Тимофеевна! – сладким голосом запел он. – Это майор Пронин! Мы сегодня у вас были с полковником... Э-э...

– Васиным, – подсказал я.

– Да, Васиным. Мы закончили осмотр места преступления и нашли деньги! Да, десять тысяч рублей! Мы решили, что не будем их активировать, а просто передадим вам! Вы согласны? Вы же настоящая наследница, значит, и деньги принадлежат вам! Да, скоро зайдем! Конечно! Спасибо, это наша работа! До свиданья!

– Ты что, деньги нашел? – спросил я у него, как он только закончил разговор.

– Мы нашли больше, чем деньги, – довольно ответил Арсений. – Деньги – это так, приманка! Нам надо с ней поговорить, извлечь информацию. А деньги – это самое верное, самое надежное! Согласен?

И он запел в полный голос песню «Пинк Флойд»:

*Money, it's a crime
Share it fairly but don't take a slice of my pie
Money, so they say
Is the root of all evil today*

Затем все-таки позвонил Шарапову и договорился о встрече.

– А почему ты ему не сказал о наших находках? – поинтересовался я.

– Громов приставил к нам своего агента, понимаешь? А я предпочитаю сам сообщать о результатах, когда посчитаю нужным. К тому же Громов, узнав информацию, и сам может взять убийцу. Это неспортивно!

Я продолжил уборку, а Арсений попал в мировую паутину. Якобы для сбора информации. Наконец я закончил, правда, не скажу, что вернул первоначальный вид квартире, но шкаф поднял и антресоли забросал их содержимым.

– Что за чертовщина? Доктор, там речь шла про Петербург? – вдруг воскликнул Арсений.

– Где? – не понял я.

– На открытках! Адрес: «Гарднеровский переулок, Петербург»?

– Нет, насколько я помню, Ленинград. – ответил я.

– Ну да, я и имею в виду... Ничего про этот переулок не нашел! Есть Гарднеровский, но в Москве. А в Питере нет. То есть он есть, но информации про него – ноль.

– А чего он тебе дался, переулок этот? Ты решил краеведом стать? – пошутил я и спросил: – А интересно, хоронили ее тоже в Лахте?

– Хоронили? – переспросил он, думая о чем-то своем. – Ну да, есть у людей странная привычка – закапываться в ту землю, где родился...

Я поперхнулся.

Мы вновь оказались в гостях у дочки Устины Филипповны. На этот раз она принарядилась и даже предложила нам чаю. Арсений тут же отказался, а я согласился. Время-то ланча!

Арсений начал с того, что передал ей деньги, пообещал никому не говорить и, в свою очередь, просил и ее держать все в секрете.

– Понимаете, – убеждал он, – если вы начнете рассказывать о нас, сотрудниках внутренних органов, это может спугнуть убийц! К тому же нам придется признаться, что мы утаили улики! Я говорю о деньгах. Их же надо приобщить к делу! Но это как-то не по-человечески, правильно?

Она соглашалась.

– Валентина Тимофеевна! А вы нам можете рассказать про вашу маму? Мы так поняли, что она долго в Лахте жила?

– А зачем это вам? – удивленно пожала она плечами. – И родилась в Лахте, и прожила там много. И замуж вышла. А чего рассказывать-то? В восемьдесят шестом переехала в эту квартиру, которую теперь этой заразе завешала!

– А где она жила в Лахте? Какой адрес? – сменил тему Арсений.

– Ну, на Гартнеровском жила, улочка небольшая...

– Переулок, – поправил Арсений.

– Ну, переулок. Они там с отцом и познакомились. Это был дом отца. И после замужества она туда переехала. Потом я родилась. Потом Галка, сестра моя, – пояснила она, чуть скривившись. – Галка – это мать Ирки. Мы там все детство провели...

– А хоронили ее в Лахте? – уточнил я.

– Ну а где еще-то? А какое это имеет значение?

– В расследовании убийств все имеет значение, – важно проговорил Арсений. – Например, у Устиньи Филипповны почтальонов знакомых не было?

– Каких еще почтальонов? – озадаченно переспросила она. – Зачем это?

– Ладно, – вздохнул он. – Я правильно понимаю, что Устинья Филипповна сдавала комнаты дачникам?

– Ну, а как жить-то? – огрызнулась Валентина Тимофеевна. – Муж ее, отец наш, умер рано. Она одна осталась с двумя девочками.

– Конечно, – тут же согласился Арсений. – А когда ваш папа умер?

– Давно, в шестьдесят пятом. Он старше ее был на двадцать лет. Воевал, ранен был. Ну, а она почти не работала, хозяйство вела, нас растила. А дом-то большущий! Куда нам такой. Мы в одном крыле жили, а другое сдавали. А потом вообще в квартиру перебрались.

– А сейчас?

– Что сейчас? – не поняла она.

– Сейчас кто в доме живет?

– Нет, ну дом-то почти разрушился! Старый, ему больше ста лет. Его сносить надо.

Арсений взял у меня тетрадку и показал ее Валентине:

– Скажите, а вы кого-нибудь знаете из этих жильцов?

Она сходила за очками, нацепила их на нос, стала изучать фамилии, и вдруг у нее вырвалось:

– Ой, господи! Ерунда какая-то!

Мы с Арсением озадаченно смотрели на нее.

– Что, никого не узнаете? – спросил он.

– Почему не узнаю? Всех узнаю! И Волковых, и Ухтомских, и Сердюковых, – ответила она.

– А почему вы тогда говорите, что ерунда? – не выдержал я.

– Так смешно! Спрашиваете про жильцов, а это сто лет назад было! Старую-то сейчас убили, а вы в каких-то тетрадях древних копаетесь!

Даже Арсений не нашелся что ответить на это не слишком логичное заявление.

– Скажите, – наконец заговорил он, – а у Устиньи Филипповны была телефонная книга?

– Была! – тут же ответила женщина. – Только как я ни искала, так и не нашла! Запропастилась куда-то. Старая куда-нибудь засунула.

– А зачем вы ее искали? – с подозрением спросил Арсений.

– Так это, на похороны-то звать надо было, а я многих телефонов и не знаю.

– Каких телефонов? Чьих?

– Ну, кого звать! В том числе и жильцов, которые у нас жили. Правда, почти все умерли, только их дети да внуки. Но многие пришли! Она с ними перезванивалась... Ну, когда жива-то была.

– Валентина Тимофеевна, а вы можете составить список тех, кто был на похоронах?

– Список? Нет, ну вспоминать надо! Я и не знаю! – Она выглядела озабоченной.

– Мы выьем для вас премию из руководства за помощь следствию! – сказал я. – Тысяч пять!

Арсений бросил на меня восхищенный взгляд.

А любезная тетушка в качестве бонуса написала нам телефоны всех, кого знала.

Глава 9

Мы сидели у меня на кухне и пили чай. Незадолго до этого Арсений вернул «Патриот» хозяину, не сломав в машине ничего важного. Затем мы заехали ко мне домой, чтобы там дожидаться Владимира Шарапова, по словам Арсения, агента Громова. Он должен был отвезти нас сначала к месту, где был похищен Игорь Ухтомский, а потом, где было найдено его тело.

Я одной рукой держал бутерброд с бужениной, другой выстукивал сообщение на планшете для группы любителей детективов «ВКонтакте»... Параллельно с этим у меня играла музыка. А Арсений разбирался со списком людей, который мы раздобыли у Валентины Тимофеевны, – тех, кто был на похоронах. И списком жильцов, проживавших в доме Устины, из тетради, которую я нашел на антресолях.

Наконец он закончил и посмотрел на меня:

– Доктор! Вот они, подозреваемые! Желаете ознакомиться?

Я взял списки в руки. С пометками Арсения они выглядели следующим образом:

«Похоронные» (Так он обозвал людей, которые были на похоронах Устины Филипповны):

1. Валентина Тимофеевна Мутко.

2. Сын Валентины Тимофеевны – Анатолий Мутко и его жена.

3. Галина Тимофеевна Сергеева.

4. Ира Сергеева.

5. Друг Иры – Олег Лимонов.

6. Игорь Ухтомский, его жена Елена, их дочь.

7. Дима Волков. (Его родители много лет снимали дачу, живут за границей.)

8. Шувалкины – бабушка Шура, ее дочь, ее внучка. (Бабушка Шура – знакомая Устины, жила по соседству в Лахте.)

9. Незвестная пожилая женщина. (Видимо, знакомая Галины.)

10. Супруги Сердюковы – Вячеслав Николаевич, Мария Ивановна.

11. Георгий Герман. (Живет где-то под Петербургом. Дочь и сын в Израиле. Жена несколько лет назад умерла.)

Следующий список был озаглавлен «Дачники»:

Ухтомские – родители, сын Игорь, все умерли.

Волковы – родители, сын Дмитрий, все живы.

Сердюковы – родители, дочь, все живы.

Германы – Георгий, жена умерла, дети живут за границей.

Бурлаки – дедушка, бабушка (точно умерли), их дочь и внучка – наверно, живы. Контакт нет. Информации о местонахождении нет...

– Значит, на похоронах Устины было семнадцать человек. Так? – заговорил я.

– Так.

– Думаешь, один из них – почтальон-убийца?

– Или его сообщник, – пробормотал Арсений.

– А ты не рассматриваешь другую версию: что ее убил человек, который не был дачником и не пришел на ее похороны?

– Надо бы, конечно, рассмотреть, но начнем с этих... – Арсений уперся взглядом в потолок, а секунд через пять произнес: – Значит, почтальон... А давай нашего убийцу звать Почтальон? И вот тебе версия: убийца – вероятнее всего, мужчина, и, вероятнее всего, Устина знала его. Ему была необходима от нее некая информация. Он или получил ее, или нет, но, убив старушку, украл телефонную книгу...

– Может быть, – вставил я, – телефонную. А может, это просто книга с рецептами.

– Нет, – серьезно ответил Строганов, – тогда бы он ее просто выбросил. Это была телефонная книга, которую не могла найти дочка Устиньи, Валентина. Почтальон в ней искал телефон или данные какого-то человека. И нашел то, что искал. И сейчас, скорее всего, уже убил этого человека. Вот это первая версия.

– Ухтомского? – предположил я.

– Телефон и адрес Ухтомского, – ответил Арсений задумчиво, – можно найти более простым способом, чем убийство старушки и воровство старой телефонной книги. Так что из книги он извлек телефон кого-то другого! Знать бы кого? Убив человека, телефон которого он узнал из книги, он убивает Ухтомского...

– Давай насчет моей версии, – торопливо заговорил я, опасаясь, что меня прервут. – Пусть он украл телефонную книгу, пусть и нашел в ней какую-то информацию! Но! Совершенно не обязательно, чтобы он был из списка дачников и из списка тех, кто присутствовал на похоронах! Согласен?

– Конечно, – кивнул головой Арсений, – но на похоронах встретить старого знакомого вероятнее, чем во всем остальном городе! К тому же в Питере живет больше пяти миллионов человек, не считая миллиона гастарбайтеров. А у нас всего (он стал загибать пальцы) – десять подозреваемых! Кто-то из них или убийца, или сообщник... Или сообщница.

– А можно поподробнее? Кто они?

– Люди! – усмехнулся Арсений. – Ну что, будем думать вместе?

Я согласно кивнул.

– Валентина? Маловероятно! Ее муж? Тут ты мне скажи: если он месяц назад ноги сломал, мог он бегать по городу и «мочить» людей? (Я покачал головой.) Тогда исключаем его, но ты, пожалуйста, проверь, когда он там по пьянке переломался. Это реально? Дальше, «злыдня» Ира. Я все-таки сомневаюсь, что она причастна к обоим убийствам, поэтому пока поверим в ее невиновность.

– А «ейный хахель»?

– У «ейного хахеля», конечно, больше мотивов, но... Вот опиши мне его, как он тебе показался?

– Неприятный тип, – поморщился я.

– Это твое субъективное восприятие, – возразил Арсений. – А ты мне, как вы, доктора, говорите, опиши симптомы!

– Ну, хорошо! Алкоголик. На него нельзя положиться. Хитрый. Истеричный и взрывчатый. И неприятный, – закончил я свой «осмотр».

– Отлично! И главное – трусливый! Поэтому убить кого-нибудь, пусть и старушку, у него кишка тонка!

– Почему ты решил, что он трусливый? Забыл, как он на нас со стулом бросился? – возразил я.

– Нет, не забыл. Но это говорит лишь о том, что он, как это?... Эксплозивно-взрывчатый психопат! – выдал мне Арсений. – А трусливый, потому что валялся на полу лапками кверху.

– Нас было больше, и он решил, что лучше не возникать, а то еще получит!

– Вот видишь? Смелый продолжал бы драться! Мой папа говорил, что никогда нельзя сдаваться и, рано или поздно, победишь! Я бы так и сделал!

– Психологические особенности, конечно, важны, но старуху прикончить, чтобы денег раздобыть, он мог! Несмотря на свою трусость! Трусость – мать жестокости. А Устинью убили очень жестоко! – выдал я тираду.

– А Ухтомского он сумел бы убить?

– Не знаю. Но алиби этого Олега я бы тоже проверил.

– О'кей! – согласился Арсений. – Тебе это проще будет сделать. Узнай про эти две даты, когда убили Устинью и Ухтомского, – был ли он в это время в больнице. Только учти, там по документам он может числиться, а на самом деле...

– Я в курсе! – ответил я.

– Остаются, – продолжил Арсений, – вторая дочь Галка, сын самой Валентины, и его жена, неизвестная женщина с похорон... Ну, это маловероятно... Шувалкины? Посмотреть бы на них. Сердюковы... И Волков. А, еще Герман, забыл. Искать убийцу среди этих людей значительно проще, чем среди шести миллионов! Ты согласен?

Я посмотрел на него, не понимая, шутит он, издевается или прикалывается, но увидел абсолютно серьезное выражение на его лице.

– Что мы имеем на сегодняшний день? – прикрыв глаза, размышлял он. – Лахта и Ольгино, частный дом, принадлежавший Устинье... Интересно, кому «бабки» достанутся от продажи ее земли?.. Почтальон побывал в квартире и похитил телефонную книгу...

– Интересно, а что можно найти в старой телефонной книге, чего нет в компьютерных адресных базах? – спросил я.

– Имена и фамилии ее знакомых... Интересно, что он ищет?

– Он – один? Почтальон?

– Был один, когда принес письмо. Но пока мало информации, я бы сказал так: как минимум один. А вот убить Ухтомского в машине ему мог помочь сообщник или сообщница. Да и труп на тачке везти удобнее вдвоем... Мне нравится моя идея, что один из тех, кто был на похоронах Устиньи, подошел к Ухтомскому... Или просто увидел его и... послал письмо, после чего встретился и убил. Вполне может быть, что он побывал и на похоронах убитого. Но это не обязательно. Поэтому план наших действий следующий: сейчас мы едем с Шараповым в Лахту, а потом должны встретиться с Ириной, внучкой Устиньи. Она расскажет нам про каждого из этих людей, и убийца будет идентифицирован! Что скажешь? – довольным голосом закончил Арсений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.